№ 36 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

C.I.R.A. Pr 806

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

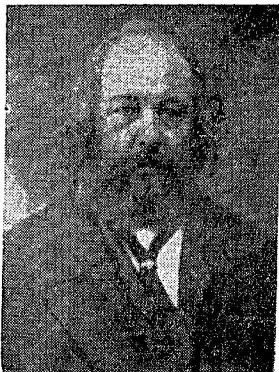
ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ИЮНЬ-ИЮЛЬ 1951 г.	DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE P. O. Box 54, Cooper Station New York 3, N. Y.	27-й год издания

М. А. БАКУНИН (1814-1876)

(К 75-й годовщине его смерти)

История человечества богата именами великих борцов и революционеров. Через всю человеческую историю красной нитью проходят имена людей, посвятивших свою жизнь борьбе за лучшие идеалы человечества— свободу, равенство, братство и справедливость. Их революционная борьба составляет прекрасные страницы, как в истории их личной жизни, так и, в особенности, в истории порабощенного человечества. К числу славных революционных борцов несомненно принадлежит Михаил Александрович Бакунин, чье имя в середине XIX века гремело в Европе и наводило страх на всех поработителей и тиранов.



М. А. Бакунин

Жизнь и деятельность Бакунина, как революционера и анархиста, делится на четыре периода, имеющие каждый свое особое историческое значение и лучше всего определяющие характер борьбы этого великого бунтаря. **Первый** период: 1835-40 г.г. Бакунин в Москве. Идеалист и сторонник гегелевской философии. **Второй** период: 1842-49 г.г. Бакунин в Западной Европе. Убежденный и активный революционер. **Третий** период: 1850-61 г.г. Бакунин — узник в Австрии, затем Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, а потом — ссыльный в Сибири, откуда он бежал заграницу. **Четвертый** и последний период: 1861-76 г.г. Бакунин — анархист и интернационалист.

М. А. Бакунин родился 18 мая 1814 года. Он — сын богатого помещика Тверской губ. Его отец, образованный и либеральный человек, принимал участие в восстании декабристов 1825 года и, лишь благодаря своей находчивости, сумел уцелеть во время разгрома тайных обществ декабристов. Бакунин любил и уважал своих родителей. Между прочим, М. А. Бакунин получил в родительском доме хорошее воспитание и основательное знакомство с иностранными языками: английским, немецким и французским. Несомненно, что суровый николаевский режим, крепостное право, восстание декабристов и подавленное в крови польское восстание 1830 года не могли не сказать большого влияния на молодого чуткого и впечатлительного Михаила А. Бакунина.

В 1830 г. Бакунин поступил в артиллерийскую школу и через два года был выпущен офицером. Но военная карьера не улыбалась будущему революционеру и уже в 1833 году он вышел в отставку, живя то у отца в деревне, то в Москве, где Бакунин примкнул к философскому кружку молодого ученого Станкевича, сыгравшего важную роль в истории умственного развития русского общества начала XIX столетия. Он начал усердно заниматься философией, историей, логикой и другими науками. Он в особенности увлекался философской системой Гегеля, которую он ревностно изучал, оказывая большое влияние на Белинского, Герцена, Грановского и других членов философского кружка.

В 1840 г. Бакунин уехал в Берлин с целью основательного изучения немецкой философии. Возможно, что он думал впоследствии получить в России место профессора философии, но вероятнее всего его побудило к этому стремление к более сознательной и продуктивной жизни. В Берлине наступил момент, когда совершилась умственная эволюция Бакунина. В 1842 г. он переехал в Дрезден, где познакомися с немецким писателем Арнольдом Руге, редактором радикального журнала "Дейтше Ербух." В этом журнале Бакунин поместил под псевдонимом "Жюль Элизар" две статьи "О реакции в Германии," обратившие на себя большое внимание. Прекрасно написанные, эти статьи дышали жаром борьбы за свободу, а последняя статья заканчивалась известной бакунинской фразой, ставшей столь популярной среди анархистов: "Дух разрушающий есть в то же время дух созидающий."

Спустя несколько лет, Бакунин переехал в Швейцарию. В Берне он сошелся с немецкими социалистами, сторонниками Вейтлинга и Маркса, и находился под влиянием социалистических идей, но, ознакомившись с экономическим учением Прудона, он вскоре стал его горячим защитником. Из Швейцарии Бакунин переехал сначала в Бельгию, а затем во Францию и жил в Париже до декабря 1847 года. За свою революционную деятельность заграницей он в конце этого года впервые был заочно судим в России и приговорен правительством к вечной ссылке в Сибирь с лишением всех прав состояния. Это наказание царской России Бакунин получил, главным образом, за свою знаменитую речь на польском собрании 29 ноября 1847 г. в Париже, в которой он резко нападал на деспотическое правительство Николая I, назвав царя "жандармом Европы и душителем свободы в России."

За свое активное участие в Дрезденском восстании 1849 г. Бакунин в январе следующего года был приговорен к смертной казни с заменой последней пожизненным тюремным заключением. Через некоторое время его перевели в Австрию и посадили в пражскую тюрьму "Святого Георга." После неудачной попытки к побегу Бакунин был вторично приговорен к смертной казни с заменой вечным заключением. Вскоре, однако, австрийское правительство выдало Бакунина России и эта выдача, по свидетельству биографов Бакунина была ему приятнее, чем пребывание в заграничных тюрьмах.

Заключенный в Петропавловскую крепость и позднее переведенный в Шлиссельбургскую, Бакунин, вследствие тяжелых тюремных условий, сильно страдал и одно время был близок к самоубийству. Но, к счастью, его родные выхлопотали ему замену тюрьмы ссылкой в Сибирь, где он прожил до июня 1861 г., а в июле того же года Бакунин совершил смелый побег. После многочисленных приключений он добрался через Японию в Нью Иорк, а затем — в Лондон, где Бакунин, окруженный своими друзьями и единомышленниками, начал усиленно работать в интернациональных рабочих кругах. Он отдавал много времени пропаганде революционных идей и работе по приготовлению учредительного съезда Первого Интернационала.

Исторически установлено, что Карл Маркс не был основателем Интернационала; он даже не присутствовал на его первом учредительном съезде. Непосредственными организаторами Первого Интернационала, основанного в 1864 году, были представители рабочих делегаций Англии, Франции, Бельгии, Италии и Швейцарии. Маркс же примкнул к Интернационалу через некоторое время после его основания и постепенно, имея на своей стороне известное число сторонников, начал играть в нем роль политического руководителя. Маркс и его последователи (государственные социалисты) верили, что путь освобождения рабочего класса лежит через захват политической власти и установление "диктатуры пролетариата." А Бакунин и его единомышленники (анархисты) не соглашались с политическими идеями марксистов и пропагандировали среди членов Интернационала анархические и революционные идеи. Они считали, что путь политического и экономического осво-

бождения трудящихся лежит через разрушение государства и капиталистической системы и установление свободных коммун, основанных на принципах равенства и кооперации. Отсюда и возникли между Бакуниным и Марксом споры и раздоры на идейной и личной почве. Вражда между ними — вражда не только двух различных натур, но и двух различных мировоззрений — анархизма и гос-социализма. Все это привело к тому, что Интернационал, просуществовав 8 лет, распался в 1872 году. Начиная с этого времени, Бакунин не принимал непосредственного участия в рабочем движении и все свое свободное время посвятил теоретической разработке своих идей.

В начале 1872 г. Бакунин переехал в Швейцарию и поселился в Берне. Здесь вокруг него образовалась небольшая русская группа студентов и студенток, начавшая вести революционную работу для России. Была поставлена русская типография, напечатавшая несколько брошюр и много воззваний к русской молодежи. Бакунин много сделал для этой пропагандистской работы. Ему, между прочим, принадлежит знаменитый лозунг 70-80 годов: "Молодежь должна идти в народ." Этот лозунг русская учащаяся молодежь, шедшая "в народ," написала на своем боевом знамени и принесла ему немало сил и жертв.

Начиная с 1875 г., Бакунин жил в стороне от всякой общественной деятельности. Долгие годы тюремной жизни и тяжелые переживания сильно подорвали здоровье Бакунина — этого "исполина с львиной головой." Пламя жизни постепенно угасало, и 1 июля 1876 г. Бакунин умер в госпитале в Берне на руках своих старых друзей — Рейхеля и Адольфа Фогта.

Со дня смерти М. А. Бакунина прошло 75 лет, но интерес к нему и его учению не только не ослабел, но, наоборот, за последнее время значительно возрос. Именно в свете пережитых исторических событий последних десятилетий героическая личность Бакунина становится в настоящий момент особенно привлекательной и важной. Достойно сожаления только то, что труды Бакунина очень мало известны широким народным массам, для которых он жил и боролся всю свою славную жизнь.

Литературное наследство, оставленное Бакуниным, не богато количественно, но качественно оно превосходит труды многих патентованных ученых. Хотя Бакунин писал сравнительно мало, но все его произведения имеют большое агитационно-пропагандистское значение и представляют ценнейший вклад в анархическую литературу.

Вот главные его произведения: "Федерализм, социализм и антитеологизм," "Государственность и анархия," "Кнуто-Германская империя и социальная революция," "История и политика Интернационала," "Парижская Коммуна и понятие о государстве" и "Бог и государство."

По учению Бакунина, человек, несмотря на свое животное происхождение, есть существо доброе. Но человек становится плохим и преступным из-за власти одних над другими, богатства и бедности и религиозного обмана. Уничтожить все это можно только посредством социальной революции, являющейся единственным путем к освобождению порабощенного человечества.

Бакунин считал, что движущей силой социального развития служит борьба творческих и разрушительных стремлений трудового народа. Исходя из этой предпосылки, он делал вывод, что народ должен преобразовать общественный строй путем прямого действия, путем революции. Всякое законодательное принуждение отталкивает массы от революции, тогда как инициатива и непосредственное действие увлекают их, и увлеченная масса способна разрушать и творить. Следовательно, главные задачи заключаются в воспитании революционной воли народа, в разрушении эксплуататорского строя и в построении нового, свободного общества, которое возникнет в результате победы революционного народа и сложится снизу вверх, применительно к нуждам и потребностям победившего народа.

Жизнь Бакунина — жизнь великого человека, глубокого мыслителя и неустрашимого борца. Мы находили Бакунина на баррикадах, на рабочих конгрессах и тайных совещаниях, в восстаниях, в тюрьмах и в Сибири. Он везде с народом против его врагов; с угнетенными против угнетателей. Бакунин соединил в себе редкие качества теоретика и практика революции. Он ясно и пророчески предвидел опасность так называемой "диктатуры пролетариата," и глубоко верил, что полное разрушение государства является необходимым условием освобождения трудового человечества.

Бакунин — редкий тип человека, революционера и анархиста. Его имя и труды бессмертны.

Л. Липоткин

М. А. БАКУНИН

Основоположник научного анархизма

В связи с 75-ой годовщиной со дня смерти М. А. Бакунина и первой годовщиной смерти Г. П. Максимова мы помещаем ниже статью последнего, написанную в 1939 г. по случаю 125-ой годовщины со дня рождения Бакунина и напечатанную в № 107 "ДТ." Максимов основательно изучил труды Бакунина и составил из них хрестоматию — "Бакунин и его учение." Книга переведена с русского на английский язык и подготовляется к печати. Она же переводится на еврейский язык. Оба издания намечены к выпуску в этом году. — РЕДАКЦИЯ.

Когда говорят о Бакунине, то говорят о нем как о революционере, бунтовщике, агитаторе, апостоле всеобщего разрушения и никогда как о самостоятельном мыслителе, философе, творце самостоятельной философской системы. Его заслуги видят исключительно в области тактики, а не теории. Рассуждают так: до Бакунина анархизм был "утопическим," мирным, но вот пришел Бакунин, приложил к теории Прудона революционную тактику и сделал анархизм революционным, но от этого анархизм, однако, не перестал быть "утопичным." Так говорят о Бакунине его враги —марксисты, за ними "ученые" либеральные буржуа, а под влиянием первых и вторых и многие анархисты, которым нет времени серьезно ознакомиться с произведениями Бакунина и немножко поразмыслить над ними.



Г. П. Максимов

Наиболее рельефно эта точка зрения выражена одним из большевистских биографов Бакунина, Вячеславом Полонским. Он начинает свою книгу о Бакунине следующими словами:

"В ряду имен, которыми гордится современный анархизм, самым крупным и блестящим следует, по справедливости, назвать имя Михаила Александровича Бакунина.

"Но блеск этот явился следствием не теоретических заслуг Бакунина. Все, что выходило изпод его пера, было порывисто, изложено спутано и бессистемно. Все почти книги Бакунина—лишь отрывки, незаконченные начала задуманных сочинений, либо по случайным поводам написанные обращения, воззвания, прокламации, произнесенные речи. В них больше пафоса, чем аргументации; больше энтузиазма, чем логики; больше желания быть убедительным, чем самой убедительности. Они искрятся и переливаются мыслями, поражающими яркостью и глубиной, но еще более смелостью и широтой размаха. Поэзия в них господствует над философией. Поэтическая увлекательность его вдохновенной проповеди и была той притягательной силой, которая подчиняла себе неискушенных, но полных огня революционеров и никто не станет отрицать, что Бакунин был отважным руководителем целой полосы европейского революционного движения. Причина этого огромного влияния заключалась не столько в железной силе мысли, сколько в необузданной мощи революционного темперамента." И дальше: "Бакунин не был рожден теоретиком, хотя провел юность в ожесточенных теоретических спорах, хотя и мечтал о профессорской карьере.

"Как писатель — автор 'Государственности и Анархии' не много прибавил к тому, что дал анархизму Прудон. В главнейших теоретических положениях своих он лишь развивал и популизировал мысли, пущенные в оборот французским мыслителем.

"Но зато в области практического действия, в истории анархического движения Бакунину принадлежит исключительное место."

Все это — надоевшая и набившая оскомину трафаретная марксистская болтовня, сотканая из противоречий и не имеющая под собой серьезного основания. Выходит, что в произведениях Бакунина нет аргументации, нет логики и нет убедительности, но тем не менее "они искрятся и переливаются мыслями, поражающими яркостью и глубиной, но еще более смелотью и широтой размаха." Удивительно редкое, прямо-таки редчайшее сочетание! Но в этих ярких и глубоких, смелых и широких мыслях, случайно, без всякой внутренней связи выскакивавших из головы Бакунина, нет ни капли философии, а только одна поэзия; и мы должны поверить Вячеславу Полонскому на слово, что "целая полоса европейского революционного движения," которой руководил Бакунин, состояла только из поэтов и "неискушенных" революционеров, ибо в противном случае никакая "поэтическая увлекательность" и "вдохновенность проповеди" Бакунина не могла бы быть "притягательной силой." Это на простом человеческом языке называется не научной оценкой

"целой полосы европейского революционного движения," а словоблудием.

Объяснить огромное влияние Бакунина "не столько железной силой мысли, сколько необузданной мощью революционного темперамента" по меньшей мере наивно и глупо. Так объяснять влияние Бакунина, это значит уподобляться завистникам Суворова, которые все его победы объясняли счастливым случаем.

"Помилуйте, сегодня случай, завтра случай, ответил им Суворов, дайте же немножко и ума."

Революционный темперамент Бакунина несомненно являлся не малым фактором его успеха... Но с одним темпераментом далеко не уйдешь. Темпераментный дурак останется дураком и никакого влияния не завоюет. Чтобы иметь такое влияние, какое имел Бакунин, нужно обладать не только темпераментом, а и стальной логикой, неотразимой убедительностью, глубиной и ясностью, а последняя всегда есть результат зрелости мысли. Темперамент без мысли — гремящая пустая бочка, а мысль без темперамента — человек без души, без характера. Бакунин имел и огромный темперамент и железную мысль. В этом, и только в этом, секрет его успеха, его влияния.

Смешно говорить, потому что это противоречит факту, что Бакунин не был теоретиком. Что он "не был рожден теоретиком," в этом нет сомнения, потому что никто не рождается ни теоретиком, ни плотником, ни музыкантом — все это приходит после рождения и обусловливается условиями и обстоятельствами. Он не только "провел юность в ожесточенных теоретических спорах," но и всю свою жизнь, вплоть до гробовой доски. Кто же этого не знает? Начатый им спор с Марксом не закончился с их смертью и продолжается до сих пор, с той лишь разницей, что тогда как бакунисты продолжают спорить с марксистами, применяя оружие критики, последнее же критикуют первых оружием, тюрьмой и ссылкой. Какое бы произведение Бакунина мы ни взяли: большое или малое, законченное или незаконченное, по какому бы поводу это произведение ни было написано, каждое из них является произведением теоретическим, философским в полном смысле этого слова. Возьмем ли мы "Письма к французу," его "Медведей," "Доклад об Альянсе" или незаконченную полемическую статью против Утина, не говоря уже о его полемических статьях против Маццини, его "Государственность и Анархия," "Кнуто-Германская Империя и Социальная революция," "Социализм, Федерализм и Антитеологизм" и пр., каждое произведение представляет собою блестящий теоретический трактат.

Еще более нелепо утверждение, что "как писатель — автор "Государственности и Анархии" не много прибавил к тому, что дал анархизму Прудон." Такое утверждение есть плод или невежества в анархизме или злостной недобросовестности, вызываемой слепой, фанатической ненавистью к Бакунину.

Из того факта, что Бакунин, как и Прудон, провозглашал анархию, федерализм и отрицание государства, делать вывод, что Бакунин, "как писатель, не много прибавил к тому, что дал анархизму Прудон," это значит из-за деревьев не видеть леса, это значит блуждать среди трех сосен.

Какой бы основной вопрос мы ни взяли, мы находим у Прудона и Бакунина совершенно различные подходы и различные решения. В вопросах права вообще, наследственного права и права завещания в частности, между Бакуниным и Прудоном лежит огромная пропасть. Точка зрения на происхождение и развитие права у Прудона идеалистическая, у Бакунина естественно-историческая; Прудон выдвигает договорное право, Бакунин — обычное право. По отношению к собственности Прудон является индивидуалистом и мелким собственником, Бакунин — коллективистом, скорее коммунистом; Прудон требует оставления права наследования и завещания, Бакунин требует их уничтожения. Точка зрения на общество и его происхождение различна и различны учения о взаимоотношении личности и общества: в то время как Прудон придерживался общественного договора, что сближает его с Руссо, Бакунин отрицает общественный договор и рассматривает общество, как часть природы, которое подвержено действию естественных законов и согласно им развивается, и так без конца. Прудон был идеалистом и не мог, как и Маркс, порвать с кантианско-гегельянской метафизикой, тогда как Бакунин порвал со всякой метафизикой и, став, как он говорит, "научным материалистом," объявил крестовый поход против всякой метафизики, против всякого идеализма. Метод исследования у Бакунина был метод естественных наук, индукция, научный метод, у Прудона — диалектический метод, метод метафизики и марксизма. Отсюда ясно, что Бакунин по-

ставил анархизм на научное основание и стал основоположником не только революционного анархизма, но, что самое главное и что упорно всеми замалчивается, основоположником научного анархизма, подлинного, истинного социализма, который потом был более солидно обоснован и аргументирован с научной точки зрения Кропоткиным. Таким образом, из всех социалистических теорий только один анархизм имеет все основания и полное право на название научный.

Бакунин, Кропоткин и все их последователи, анархисты, а также и все представители и поклонники истинной науки не только были, но и продолжают быть против притязаний марксизма на научность. Они против этих притязаний не потому, что вообще не допускают научности социализма, как философии и как социологической теории построения нового общества. Они против марксистских притязаний на научность, которые везде и всегда так нагло выпираются, по тем же самым причинам, по которым отказывают в научности творениям гениальных умов древности, средновековья и даже творениям многих гениев нового и новейшего периода нашей истории, несмотря на то, что признают правильными многие их мысли и положения. Они отказывают им в научности потому, что эти произведения не были написаны на основе научного метода, метода естственных наук — опыта, наблюдения, проверки или критики —метод индукции, наведения. Марксизм был и продолжает быть против этого научного метода и довольствуется методом метафизической спекуляции, диалектическим методом, допускающим произвол исследователя, которым никогда и ничего не было и не будет открыто. Для Энгельса, например, Ньютон — "индуктивный осел и вредитель," а "Гегель своим синтезом и рациональной группировкой естествознания сделал большее дело, чем все материалистические болваны, вместе взятые," и что "диалектика — единственный пригодный на высшей ступени развития метод мышления." Конечно, никто из людей со здравым рассудком с этой галиматьей не считается, кроме марксистов.

Бакунин, в противоположность Марксу и Энгельсу, **первый,** подчеркиваю первый, придал анархизму научный метод, метод естественных наук, объединил человеческое общество с природой, считал его природой, выводил его из природы и прилагал к его изучению те же самые методы, которые прилагаются при изучении природы естествоиспытателями; благодаря этому анархизм стал не только научным, но и философской системой, пытающейся охватить весь мир во всей его совокупности, не отрываясь от реальности, твердо стоя на научном фундаменте, на проверенных данных науки, вследствие чего анархизм уже никак нельзя свести только к социологии. Это было бы грубейшим насилием над ним, грубым извращением, это значило бы частью замещать целое. Это было бы все равно, что под всей наукой разуметь только одну ее дисциплину, одну ее ветвь, например, биологию. Анархизм, благодаря Бакунину, не социология только, он включает, он содержит в себе социологию, как естественную составную часть, но он — не социология. Анархизм, объединяя весь мир, как единое неразрывное целое, включая сюда и человеческое общество, под одним понятием ПРИРОДА, и исследуя эту природу методами естественных наук, стал мировоззрением, философией, синтетической философией, революционной по своему существу, потому что она не страшится логических выводов, как бы они ни были противны установившимся воззрениям, привычкам, обычаям и институтам. И основоположником этой философии является Бакунин. Именно благодаря ему, анархизм стал философией, построенной на науке, на данных науки. И Кропоткин, который блестяще продолжил начатое Бакуниным дело, тысячу раз прав, когда говорит в книге "Современная Наука и Анархия":

> "Анархия есть миросозерцание, основанное на **механическом** понимании явлений, (лучше было бы сказать **кинетическом,** так как этим выразилось бы **постоянное движение** частиц вещества, но это выражение менее известно), охватывающее всю природу, включая сюда и жизнь человеческих обществ. Ее метод исследования — метод естественных наук; этим методом должно быть проверено каждое научное положение. Ее тенденции — основать синтетическую философию, т.е. философию, которая охватывала бы все явления природы, включая сюда и жизнь человеческих обществ и их экономические, политические и нравственные вопросы."

Наука, как целое, состоит из ряда дисциплин, ветвей; обобщение добытых ими результатов есть философия, подлинная, научная философия. Следовательно, философия есть не что иное, как венец науки. По тысяче различных причин обобщения данных наук и построенные на них гипотезы могут быть и являются различными, т.е. могут быть различные вариации научной философии, и анархизм является одной из таких

вариаций, которую мы не считаем абсолютно правильной, единственно верной, потому что, во-первых, научность еще не означает правильности; во-вторых, потому что и сама наука не представляет собою абсолютного совершенства и не претендует на это. Но мы имеем основание считать нашу анархическую философию, научный анархизм, из всех философских систем самым близким приближением к истине. Между наукой и философией, как мы видим, существует органическая связь, т. е. их нельзя противопоставлять одну другой, как нельзя противопоставлять часть целому, голову туловищу — они одно целое. Отсюда понятно, что, если наука имеет дефекты, а она их имеет и не мало, то и философия, вследствие этого, неизбежно будет иметь их. Но так как наука, истинная наука, благодаря своему методу и сомнению, никогда не может окостенеть, успокоиться на добытых данных, то и научная философия будет видоизменяться в соответствии с дерзаниями путем смелых обобщений и гипотез. Поэтому и наша анархическая философия, став, благодаря Бакунину, научной, останется вечно живой, видоизменяющейся в подробностях в соответствии с прогрессом науки, она никогда не омертвеет, не окаменеет, никогда не станет мертвой догмой, как марксизм и различные религии, ибо она, как и наука, всегда будет допускать сомнение.

В соответствии с наукой и основанная на ней наша философия не говорит и не намеревается говорить о конечном пункте достижения. Как наука, так и основанная на ней философия, исходя из анализа тенденций развития вчерашнего и сегодняшнего дня нашей истории, говорят лишь о приближениях, о возможностях "завтрашнего дня" человечества. При этом могут быть совершены ошибки; они были, есть и будут, потому что человеческий ум несовершенен, ограничен, обусловлен и не в состоянии охватить все решительно подробности. Ошибки науки не уничтожают науку, не опровергают ее и даже не подрывают ее авторитета в глазах разумных людей. То же можно сказать и о нашей философии, родоначальником которой является Бакунин. Кроме того, нельзя забывать, что научность не сводится к выдаче правильных рецептов.

Бакунин, введя научный метод в анархизм, тем самым поставил его на твердый фундамент науки. В этом его бессмертная заслуга, несмотря на то, что он не оставил после себя увесистых многотомных "научных работ." Учение Бакунина есть вывод из результатов науки его времени, поэтому только злостные враги Бакунина и анархизма могут говорить о преобладании в произведениях Бакунина поэзии над философией, романтики над трезвыми выводами. Его философия быть может не совершенна, может быть в ней много устарелого и требует пересмотра и подновления в соответствии с современным состоянием науки, может быть многие выводы не верны. Все это возможно, все это может быть, все это вполне допустимо, но это ни на единую крупицу не уничтожает научного характера его философии, анархизма. Это только говорит о том, что многое должно быть пересмотрено в соответствии с состоянием науки, в соответствии с ее данными, которыми, естественно, наука времен Бакунина не обладала, вследствие чего Бакунин во многих случаях вынужден был прибегать к интуиции. Все это означает только то, что пробелы в его философии, вызванные или состоянием науки в его время, или недостаточностью его собственных знаний в той или другой области, или тысячью других причин, должны быть заполнены, ошибки устранены, а интуитивное проверено научным методом, что и делал в свое время Кропоткин и что должны делать анархисты всегда. Несмотря на все это, философия Бакунина непоколебимо остается научной. Непререкаемым остается факт, что Бакунин не только революционизировал анархизм и анархические идеи, которые высказывались до него некоторыми философами древности и некоторыми религиозныими сектами, Годвином, Штирнером и Прудоном, но он первый подвел под эти идеи твердый научный фундамент, отбросив те из них, которые не выдержали научной проверки. С Бакунина, ни с кого другого, начинается научный анархизм, как бы ни были нестройны формы его изложения и как бы это изложение ни было отрывочным.

Воззрение есть совокупность мыслей, приведенных в соответствующий порядок, стройный или нет, не имеет существенного значения, выражающих отношение человека к миру, его понимание мира во всей его совокупности, со всеми подробностями. Это есть философская система. Эту философскую систему Бакунин выработал на основании данных современной ему науки при помощи научного метода, метода естественных наук, а не путем простого размышления, чистого умозрения, основываясь на научных

данных, а не на своих желаниях. Следовательно, воззрения Бакунина — воззрения научные, т. е. его философия есть философия научная, его анархизм есть научный анархизм. Философская система Бакунина была, продолжает быть и будет революционным отрицанием всех теологических и метафизических философских систем, всех философских систем, построенных на философском идеализме. Его система — оригинальная система, она расходится с позитивизмом Конта, с экономическим материализмом Маркса, с синтетической философией Спенсера, с утилитаризмом Д. С. Милля, с философией Прудона и пр.

Быть великим философом совсем не значит, что нужно написать нечто в роде "Критики Чистого Разума" Канта или "Капитала"—экономической метафизики Карла Маркса. Бакунин не написал ничего в этом роде, но то, что он написал, несмотря на фрагментарность и отрывочность, блещет стальной логикой, глубиной и широтой, которых не найдешь в "великих" произведениях многих признанных творцов философских систем.

В чем-в-чем, а в логике Бакунину трудно отказать, нельзя отказать. В этом никто ему не отказывал в Москве, в период его увлечения Кантом, Фихте и Гегелем; в этом ему, автору "Реакции в Германии," никто не отказывал в Германии и в этом никто, кроме злопыхателей, не отказывал ему во всей Европе в период его анархической деятельности. И если Бакунин не изложил в одном тысячестраничном томе своей философской системы, то он достаточно сильно и определенно изложил ее в статьях, брошюрах, в законченных и незаконченных книгах, в письмах, докладах, речах и отрывках, изложил с большой изящностью, увлекательностью и, несмотря на отступления, даже стройно, с неувязимой логичностью; сошлемся хотя бы на критику диктатуры пролетариата, на критику религии и государства.

Эта его система, цельная, выношенная, отчетливо скристализовавшаяся, была руководящим началом его деятельности и частями, в зависимости от потребности революционной борьбы и обстановки, излагалась Бакуниным в статьях, письмах, докладах и в незаконченных произведениях. Вследствие этого не было видно цельности. Но эти части системы, разбросанные по разным статьям и книгам, не трудно свести воедино и представить монолитность философии Бакунина и ее необычайную глубину и ясность.

Систематизация, в отсутствии которой упрекают Бакунина, не создает философскую систему и не углубляет ее содержания, она только со скропулезной аккуратностью размещает содержимое системы по соответствующим полочкам. И если Бакунин этого размещения не сделал, то это не так уж важно, ибо это размещение легко сделать за него: лишь было бы что размещать. Никто не будет отрицать, что у Бакунина есть таки что размещать.

Анархический социализм Бакунина, который он называл, "научным материализмом," есть, несмотря на все внешние архитектурные недостатки его произведений, философская система, глубокая по своему содержанию, ясная, благодаря своей зрелости, революционная по своему характеру и научная по своему методу. Его философия — философия свободы и экономического равенства, она должна занять место не только наряду с "великими" философскими системами, но и выше их.

Одно только положение, выведенное Бакуниным из данных науки при помощи научного метода: "Без свободы нет равенства, без равенства нет нравственности," делает его на две головы выше всех "великих" философов.

Итак, учение Бакунина опирается на проверенные данные науки, добытые общепризнанным научным методом, методом индукции, т. е. опыта, наблюдения, критики и сомнения, и кладет этот метод в основу своего исследования. Таким образом, Бакунин первый поставил анархизм на научный фундамент. Придав анархизму научный характер, он тем самым показал, вопреки всем врагам свободы и равенства, что анархизм — не мечта, не фантазия, не религия, не умозрительное построение досужего ума, не пророчество, в основе которого лежит божеское, марксистско-диалектическое или какое-нибудь другое откровение, а холодный, логический вывод, сделанный на основе данных науки, научным методом. Это величайшая заслуга Бакунина перед анархизмом, перед социализмом вообще, и ее никто от него не отнимет.

Г. Максимов

"Каждый индивидуум найдет удовлетворение своим потребностям только тогда, когда он будет группироваться с индивидуумами других коммун имеющими те же потребности."—П. А. Кропоткин.

БАКУНИН И "НАРОДНОЕ" ГОСУДАРСТВО

"Если есть государство, то оно непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, не мыслимо — вот почему мы враги государства." **М. А. Бакунин** ("Государственность и Анархия").

В семьдесят пятую годовщину смерти М. А. Бакунина следует напомнить, что все высказывания его в споре с Марксом пророчески сбылись. Невольно приходится поражаться дару великого бунтаря и провидца. Когда государственный социализм начал только зарождаться, Бакунин уже ясно предвидел, к чему приведет т.н. "диктатура пролетариата," т.е. диктатура партии, а отсюда — диктатура личности, при попытке построения социалистического или коммунистического общества государственным аппаратом.

Общеизвестно, что государство есть зло. Ему нужны рабы. Оно же порождает и диктаторов, которые всегда оказываются личностями аморальными, жестокими, кровожадными. Это доказывается историческим прошлым, как давним (восточные деспотии и диктаторы Римской империи), так и менее давним или совсем новым — невообразимые ужасы наци-фашизма Гитлера, зверства диктаторов других стран и кровавая диктатура Сталина.

Как известно, все диктаторы одержимы манией величия, жаждой власти и славы. Для достижения своих целей эти авантюристы пользуются не только демагогией, но и назревшими социально-экономическими процессами: Наполеон, вознесшийся на диктаторский престол, опирался на зарождающийся буржуазный класс; Гитлер играл на шовинизме и расизме; Сталин использовал русскую революцию и, подобно Гитлеру, разжигает "советский" национализм. Достойно внимания, что на опыте навязывания государственным аппаратом т.н. коммунистического строя сбылось все то, о чем так страстно предостерегал Бакунин.

В своих "утопиях" (так называют учение Бакунина его идеологические враги) Бакунин предвидел почти до деталей все то, свидетелями чему мы являемся при построении нового общества в России по рецептам Маркса. Там государство является собственником всех материальных богатств, духовных ценностей и народа в целом, как и каждой отдельной личности. Это всеохватывающее "пролетарское" государство возведено там в культ божества, а олицетворяющий его диктатор — в культ всезнающего и всеразрешающего верховного жреца, которому повседневно возносят славословия его подхалимы и погонщики рабов.

В другом месте той же книги Бакунин говорит:

"Мы уже несколько раз высказывали глубокое отвращение к теории Лассаля и Маркса, рекомендующей работникам, если не последний идеал, то, по крайней мере, как ближайшую главную цель — основание народного государства, которое, по их объяснению, будет не что иное, как пролетариат, возведенный на степень господствующего сословия'."

Большевики осуществили в России народное или пролетарское государство, и мы видим, во что превращается вчерашний пролетарий в лице Сталина и его клики: он становится беспощадным угнетателем народа, которому он обещал дать лучшую жизнь. Но так как посредством гос-аппарата нельзя улучшить жизнь всего общества, то он прибегает ко всякого рода лжи и обману. Учитывая это и зная свои преступления, он боится народного гнева, а потому применяет террор и насилует народ в большей степени, чем какая-либо другая власть.

В заключение хочется привести еще несколько слов из того же труда Бакунина:

"Своею полемикою против них мы довели их до сознания, что свобода или анархия, т.е. вольная организация рабочих масс снизу вверх, есть окончательная цель общественного развития и что всякое государство, не исключая и их народного, есть ярмо, значит, с одной стороны порождает деспотизм, а с другой—рабство."

Так оно и получилось на практике в пролетарском государстве Ленина-Сталина, где народы России претерпели много страшных бедствий и лишений и стонут под тяжестью диктатуры вот уже 34-й год.

И. Сургутов

"Мы ненавидим войну, ибо она всегда является братоубийственной и разрушительной. Мы стремимся к освободительной анархической революции, мы отвергаем борьбу между народами и зовем к борьбе против господствующих классов. Но когда, к несчастью, конфликт все же возникает между народом и народом, то мы с тем народом, который защищает свою независимость."—

Э. Малатеста

ЭЛЕКТРОФИКАЦИЯ ПО-СОВЕТСКИ

Советский Госплан любит огорашивать заграницу грандиозными цифрами своих достижений. 6 ноября 1949 г. было сообщено, что за последние 4 года в СССР было построено 72 миллиона квадр. метров жилплощади. (Заметьте, не домов, а квдр. метров.) Если принять по 100 кв. метров на дом, это составит 720 тысяч домов, т.е. строилось по 180 тысяч домов в год. Темп не высокий, т.к. США лишь за 1949 г. построили свыше миллиона домов, а в 1950 г. темп был еще выше.

Не раз с таким же хвастовством советские агитаторы говорили об электрофикации СССР, кидались миллионами и миллиардами выработанных киловатчасов электроэнергии. Но ни Госплан, ни печать, ни агитаторы ни разу даже не сказали, а как же живется советскому гражданину на этих социалистических метрах и как он потребляет эти миллионы киловатчасов электроэнергии. Постараюсь восполнить этот пробел. В нашем городе, с населением свыше 100 тысяч человек, все 10 лет, что я там прожил, электрическое освещение было одной из тяжелых проблем всего городского хозяйства, не говоря уже о воде и канализации, последней-то вообще не было.

Дом в 15 квартир, где жила моя семья, освещался в течение ряда лет от маленькой динамомашины, находящейся на фабрике. Из-за перегрузки свет был тускло-красный и тух по 10 раз в вечер, к тому же ток подавался лишь вечером. В 1937 г., после долгих хлопот перед городским электротрестом, наш дом присоединили к центральной осветительной сети, дающей ток в течение дня. Все 15 квартир посадили на один общий счетчик того же электротреста. Первый месяц мы ходили, как именинники, но когда нам принесли счет на 300 рублей, квартиранты всполошились: как сделать справедливый расчет уплаты на 15 квартир и почему наросла такая громадня сумма? Как водится уполномоченный дома собрал собрание. Шум, гам, крик стоял невообразимый: одни кричали, что у них только лампочки горят, другие утверждали, что дело не в лампочках, а в электрических приборах, которые и нажгли на 300 рублей. Вспомнили при этом, что Мария Васильевна весь месяц не готовила на примусе, значит, она имеет электроплитку, а Николай Петрович даже в сарайчик за дровами не ходил, — значит имеет электропечь, которой и обогревался за счет соседей и т. д. Кое-как сделали расчет по количеству лампочек, причем вместо прежних 1 р. 80 к. пришлось платить по 8 р. С того дня каждый только и подозревал своего соседа в пережёге электричества.

Каждый месяц возникали ссоры и оскорбления при новых расчетах; затем вызвали инспектора из Электротреста, который вынес Соломоново решение: за электроплитку платить 30 рубл. в месяц и пользоваться ею не больше 4-5 ч. в день. Некоторые квартиранты зарегистрировали свои приборы и кряхтя платили. Но от подозрений не избавились, т.к. без контроля они могли якобы палить электричество и по 20 часов в сутки, в чем их обвиняли при всяком удобном случае. Все это мне надоело, и я решил поставить отдельный счетчик в своей комнате, но не тут-то было: этот прибор являл собой социалистическое имущество и Электротрест ставил его лишь в большом доме, ставить же в отдельную квартиру, у них не было такого закона. Сколько я ни хлопотал, ничего не выходило. Наконец мне посоветовали купить счетчик частным образом, сообщив таинственно, что таким-то путем его можно приобрести.

Такого случая я ждал год и не напрасно. Знакомый монтер дал мне адрес одного заготовителя, который продавал счетчики; последний мне обошелся в 6 раз дороже, чем в Электротресте. После этой покупки, я выполнил в Электротресте ряд формальностей: сначала там составили акт, что он не краденный и не числится в имуществе электротреста, другой акт гласил, что я, действительно, являюсь владельцем данного счетчика, что мне разрешается поставить счетчик в отдельной комнате и т. п. Короче говоря, месяц после покупки он был установлен, затем я 3 недели ждал, когда сделают штепсельные розетки, которые электротрест ожидал в плановом порядке из Москвы от электроснабсбыта. На зависть всем 14 квартирантам моя семья имела свой счетчик. Два года до войны мы могли за те же 15-16 рубл., что я платил за две лампочки, пользоваться электрической плитой и утюгом.

Правда, так называемая центральная осветительная сеть была ниже всякой критики: провода к дому были аллюминевые, скрученные из кусочков: 3-4 раза в месяц обрывались, а благодаря бюрократической системе в Электротресте, монтер иногда

В ПАМЯТЬ ПОГИБШИХ

Сколько погибших жертв от рук большевицких палачей — никто не знает. Не десятки тысяч, а целые миллионы. Их безымянные могилы разбросаны по всей великой нашей стране, и только дремучие леса да полудикие степи, да ветры буйные знают их места! Но имена их славные не забыты, они живут не только в сердцах родных, близких друзей, но и в сердцах всего угнетенного народа российского.

Могила моего доброго друга, Ивана Филипова, мне тоже не известна. Его также замучили большевицкие палачи, как и многих других, не склонивших свои головы перед властью. Он не только не склонил своей головы, но открыто, громко протестовал и боролся всю свою недолгую жизнь. Ученик и последователь Бакунина, Реклю, Кропоткина, Толстого, он, увидевший свет, постигший великую мысль, пламенную любовь к народу в учении этих апостолов свободы и правды, не мог уже быть пассивным и начал свою борьбу за народную волю и правду еще в дореволюционной России. Он тогда уже проявил себя, как умный и бесстрашный конспиратор. Рабочие Путиловского завода, где Иван Филиппов работал электромонтером, часто получали через него нелегальную литературу и листовки. В революции он принял самое активное участие. Поле октябрьского переворота, увидев обман, ложь и жестокую расправу с народом и интеллигенцией, не согласными с новой захватнической властью, он резко изменился.

Он знал, что большинство мыслящих и революционно настроенных трудящихся ждали от революции не только смены власти, а утверждения своих прав на жизнь, свободу, справедливость, благополучие и, попав снова в еще горшие тиски, многие рабочие, а с ними Иван Филиппов оказались в оппозиции.

"Равные и правые" оказались они только в бесконечно лживых уверениях большевицких агитаторов. Суровая действительность показала, что это было новое, тяжелое рабство. Пришли к народу голод, тюрьма и страх, и еще подлее стала жизнь, чем была до того. Иван Филиппов понял, что народ обманули, обокрали и нагло насмеялись над его надеждами и чаяниями. Молчать было нельзя! Он стал бесстрашно выступать на митингах, где представлялся случай. Последнее смелое его выступление было на Путиловском заводе в 1919 г. против Калинина, после чего он был арестован и посажен в тюрьму, где пробыл 3 года. В тюрьме он заболел туберкулезом. В 1922 году он был освобожден и выслан по месту рождения в деревню Н. без права выезда. Но там он не сидел без дела, а принимал участие в культурно-политической и хозяйственной жизни крестьян.

Иван Филиппов жадно стремился к образованию. Он окончил средне-образовательные рабочие курсы, еще будучи рабочим Путиловского завода; но всю жизнь занимался самообразованием, пополняя свои знания, особенно его интересовали общественно-политические науки. У него был редкий дар сильного, краткого, чуткого оратора. Будучи культурным человеком, часто выступая на местных собраниях, он в 1926 году был выбран делегатом на областной съезд советов. На съезде он выступил со смелой и открытой критикой сов. власти, в частности осуждая новые тяжелые налоги на крестьян. Это было так неожиданно для местных властей, что они растерялись и дали ему возможность присутствовать на съезде еще два дня. Но местная газета сейчас же подхватила речь И. Филиппова и разразилась бешеной бранью по его адресу, требуя немедленно ареста его и "выкорчевывания корней филипповщины среди крестьян."

После съезда он был арестован, последовали аресты и многих других крестьян в районе, с которым общался И. Филиппов. Его судили и приговорили к пятилетнему тюремному заключению, но потом тюрьма была заменена бессрочной ссылкой в Кзылорду по случаю его тяжелой болезни легких. Семья его: мать и ребенок были жестоко наказаны, "раскулачены" и высланы в Сибирь в 1929 г.

В 1934 г. я получил известие о смерти этого светлого, идейного труженика.

Наш долг не только помнить и чтить народных героев-мучеников, но и самим, где только возможно, активно бороться за дело народной свободы и социального благополучия, за что отдали свои жизни лучшие люди нашей страны.

Герои ушедшие да послужат нам примером в этой борьбе.

А. Алексеев

приходил лишь на второй день после обрыва. В силу той же изношенности проводов и машин свет мигал, а радио-аппарат беспрерывно трещал, как оглашенный. И все же мы, не зная другой жизни, были довольны тем, что отдельным счетчиком несколько улучшили свой быт.

Федор Герасимов.

ОБЛОМКИ ДЕПАРТАМЕНТА РОЗЕНБЕРГА

Национализм — явление нездоровое, в какой бы политической маске он ни выступал. Корни его известны: стремление унизить, подавить другие национальности, воспитать ненависть против "не наших" народов для того, чтобы заставить собственный народ послушно выполнять предначертания своих государственных заправил. Германский нацизм с его делением на высшие и низшие расы, на "оберменшей" и "унтерменшей," представляет собой вершину. Советский национализм издания послевоенных лет особенно ярко доказывает политическое направление этого течения. Здесь по существу те же элементы нацизма: сотни национальностей СССР — "оберменши," все остальные — "кто не с нами" — "унтерменши." Таким образом дело Розенберга — Геббельса не умерло под развалинами Берлина и семена нацизма, заброшенные ветром войны, начинают давать всходы.

Одно из главных "достоинств" шовинизма для политического употребления заключается в том, что он необычайно легко усваивается массами на любой ступени культуры и цивилизации. Идеология его проста, как детская игрушка: "Мы, племя Мумбо-Юмбо, хотя и не носим штанов, хотя наш лексикон не превышает 30 слов, но мы все же — избранное богом племя и все остальные племена и народы — низшая раса, данная нам в услужение." Достаточно эту нехитрую формулу вбить в голову "избранного племени," чтобы укрепить власть вождя и заставить племя плясать вокруг костра под воинственные крики и звуки там-тама. Эта "идеология" двигала нацистских коричневорубашечников, устраивавших автодафе на площадях Нюренберга и Берлина, сжигая произведения мировой культуры; эта "идеология" двигала механизм еврейских погромов. "Удобство" её в том, что здесь не нужно, чтобы "вожди" были высококультурны и умны; надо только здоровую глотку и уменье подбирать преданные "кадры."

Мелкий шовинизм провинций, областей и малых стран и национализм гитлеро-сталинского типа по существу одного поля ягоды; разница лишь в цвете и величине. Фашистский национал-социализм и "советский патриотизм" преследуют одну и ту же политическую цель, хотя на первый взгляд между ними огромная разница.

Кажется, кому-кому, а уж нашей эмиграции нужно бы давно понять эти простые истины и активно бороться против всякого национализма. Все выходцы из стран за железной завесой практически познакомились со многими вариантами национализма и знают ему цену. Не спас от большевизма поляков их гонор; чехов, румынов, венгров их "национальная гордость," — все попали под сталинскую лапу. А сотни национальностей России уже 33 года "наслаждаются счастливой жизнью." Все терпят от большевизма, все им угнетены. Кажись, просто и ясно: у всех этих народов есть один общий враг — большевизм и с ним надо бороться объединенными силами, помня старую истину, что дружно — не грузно, а врозь — хоть брось.

Но удивительное дело: в эмиграции националисты разгулялись еще сильнее, чем дома. Чехи и словаки, объединенные на родине какими-то общими интересами, не так грызлись, как в лагерях, а здесь по вопросу о превосходстве Массарика над Тиссо или наоборот хватают друг друга за грудки. На Украине русского встречали просто и приветливо, как брата, а здесь, в эмиграции, украинцы не признают русского за человека и не хотят слышать русского языка, которому обучались в школе и в семье. Что произошло? Чем объяснить эту национальную рознь?

Произошло то, что розенберговская канцелярия посеяла свои семена во-время и на плодотворной почве. Плоды вырастают теперь.

Как известно, Гитлер повел политику национальной розни в занятых областях, натравливал одну национальность на другую, чтобы легче было ломать общее сопротивление, чтобы не дать возможности объединения всех антифашистских сил. Для этой цели канцелярией Розенберга и Геббельса готовились специальные кадры, выпускались "научные" труды, привлекались к участию "теоретики" национальных групп, возбуждавшие низменные чувства масс против других народностей. В специальных школах обучались десятки сотен представителей различных народностей. Задача школ была: обучить нацизму, вбить в головы расовую теорию и подготовить верных служак фашизма в занятых областях. Среди украинского населения, например, активно насаждались противорусские настроения, "научно" обоснованные. Это было ясно: немцы давно смотрели на Украину, как на свою

колонию, и нужно было убить сочувствие населения к своему русскому брату. "Идеология" была необычайно проста: "вы плохо живете потому, что вас эксплоатируют русские. Они захватили вашу страну, они завели колхозы, они лишили вас хлеба, они во всем виноваты." И вот сотни украинцев, стоящих на степени умственного развития членов племени Мумбо-Юмбо, начали травлю всего русского, в то же время пресмыкаясь перед всем немецким. Из-за деревьев не видно леса, из-за антирусского ослепления эти украинцы перестали видеть своего действительного поработателя — нем. фашиста.

Окончилась война и эти люди пошли за своими "освободителями"—немцами. Здесь, в эмиграции, они, выдавая себя за борцов против большевизма, продолжают "совершенствовать" полученное в геббельсовских школах "образование" и обливают грязью все русское.

Одним из таких осколков розенберговского департамента является в Германии объединение АБН (Антибольшевицкий блок народов). Как объясняет это объединение свои цели, "АБН борется против большевизма и против русского империализма." Как и все другие политические партии, старающиеся показать свою "мощь" и поэтому произвольно округляющие численность своих членов за счет находящихся по ту сторону железной завесы людей, АБН тоже силится надуться, как можно сильнее, и представить собой "крупную" организацию.

У меня, к сожалению, только один номер журнала "ABN-Korrespondenz," № 7/8 на немецком языке. Но и этого номера достаточно, чтобы постичь немудрую "идеологию" АБН. Подобно солидаристам, обещающим за 100-200 тысяч долларов свергнуть большевизм, АБН тоже просит денег у западных государств, правда, не называя конкретной суммы в своем журнале. На эти деньги АБН обещает создать многочисленный "военный потенциал" из всех национальностей, исключая русских. Особые "военные вожди" АБН предлагают следующий план: Дунайский бассейн является ключевой позицией; нужно овладеть дунайскими странами, затем "освободить" Украину, оттуда откроется путь на Кавказ; затем Идель-Урал (границы этой Idel-Ural-Republik известны только авторам из АБН!) отрезает Россию восточнее Волги, а Козакия(!) и Туркестан отрезают юг; можно отрезать еще и Сибирь, т.к. по твердому заявлению АБН **"сибиряки это не русские."** В то же время "отрезаются" балтийские страны и — вот вам искомый результат: Россия и олицетворяемый ею большевизм задыхаются на своей территории, "все народы свободно вздыхают, и кричат женщины 'ура' и в воздух чепчики бросают." Таково военное обоснование этого плана, данное генерал-полковником Фаркас фон Кисбарнак, председателем военного комитета АБН. Экономическое обоснование дает вицепрезидент народного совета АБН Фели-Каюм Хан. Он сообщает следующее: в 1949 г. СССР получил 210 миллионов тонн угля, из них 40 проц. из Донецкого бассейна (Украина), 9 проц. из Туркестана, 7 проц. с Кавказа; железной руды добыто: 60 проц. на Украине, остальное из Башкирии (тоже не Россия!); магнезий добывают в Чиатуре (Грузия) и Никополе (Украина); нефть добывается в Азербайджане, северном Кавказе, Башкирии, в "этнографических русских границах," к каким АБН относит Ухту и Сахалин, нефти мало и добывать ее трудно; далее идут медь, свинец, ртуть, сера и другие минералы, добывающиеся не на русской территории. Сахар, хлопок, чай, рис, вино, табак — все это добывается вне России. Поэтому Россия, после "отрезки" от нее всех этих не-русских территорий, благополучно скончается, а с ней скончается и большевизм.

Правда, АБН не обещает совершить столь блестящий завоевательный поход своими силами; он обещает лишь помогать "западным силам" и выставить "национальную армию" против русских, если дадуть деньги... Как поступать с русскими областями и населяющим их народом тоже не говорится, но оно и без слов понятно: ведь учились-то у немцев-нацистов!

Далеко не доморощенные эти "теоретики" (рощенные в гитлеровской Германии) выдвигают такие положения: экспансионная политика и желание господства над миром это не особенность большевизма, но типично русское явление; иностранные государства, если они хотят решить проблему, должны не только смести большевизм, но и русский империализм, т.к. до тех пор, пока существует великорусское государство, будет существовать опасность его угрозы миру; гарантия мира — расчленение России (Zergliederung).

В АБН заправляют украинцы. Позволительно спросить их, чем объяснить, что из 6 миллионов большевиков во всем советском союзе 1,5 миллиона приходится на Украину? Ведь это же чисто русское явление! Можно

бы спросить, кто раскулачивал и загонял в колхозы украинских селян: русские, или сами украинцы? Но все эти вопросы бесцельны: воспитанники Розенберга-Геббельса на то и созданы, чтобы тасовать факты.

На 16 страницах журнала АБН собрано столько лжи и клеветы на русский народ, что уши вянут! Были бы живы достославные учителя АБН из фашистских департаментов, они бы только руки потирали от удовольствия: ученики делают блестящие успехи. Даже чисто технические методы фашистской печати переняли эти ученики. Например, в журнале помещен снимок многолюдного митинга с подписью "Массовое собрание АБН в Торонто." На зданни же, у которого собрался митинг, крупными буквами написано: "Добро пожаловать! **Шекспировский фестиваль."** Так даже Шекспир поставлен на пропагандную службу АБН...

Но все это цветочки, ягодки впереди. В статье "Кто защищает Европу" "идеологи" АБН договаривают до конца: **"Цель западной стратегии — концентрированный удар не против маленькой Кореи, но против этнографической России—носителя большевизма и источника московитского империализма. Поэтому атомбомбы, если нужно, должны падать на Москву, Ленинград и др., но никогда на Киев, Минск, Тифлис, Ташкент и т. д."** Вот это договорились!

Вообще призывать кидать атомные бомбы куда бы то ни было занятие далеко не почтенное, но здесь мы имеем дело с невежеством, глупостью или предательством. Как известно, атомные бомбы предполагается бросать на объекты, имеющие стратегическое значение. Те же "теоретики" АБН убеждают, что в "этнографической России" нет ни стали, ни железа, ни нефти. Для чего же кидать атомные бомбы на территорию, где нет никаких стратегических пунктов? Убивать народ? Разрушай Москву и Ленинград, а военные объекты и питающие их источники не трогай!

Но в этом пункте (и еще в других) АБН что-то очень сходится с желанием кремлевских правителей, тоже не желающих подвергать опасности военные и стратегические объекты. Чем объяснить подобное единодушие? В пьесе "Чужой ребенок" Шкваркина зубной техник Сеня Перчаткин для самообразования изучает Большую Энциклопедию и, когда ему задают вопрос, много ли он прошел, отвечает: "В первом томе до абсурда дошел!" Перчаткины из АБН дошли уже много дальше, чем до абсурда!.. Они не могут представить, какой козырь они дают в руки Кремлю, который подобную "пропаганду" использует для того, чтобы возбудить гнев русского народа против западного блока и против антибольшевицкой эмиграции. Может быть, господа из АБН это отлично знают и выполняют миссию Кремля?

Очень странно еще одно обстоятельство: в инструкциях НКВД для своих резидентов по разложению эмиграции особенно настойчиво указывается на необходимость сеять национальный антагонизм, борьбу между национальными группировками. Эту задачу "антибольшевицкий" АБН выполняет превосходно.

Еще одно. Журнал, расчитаный на читателя из народов России, печатается на немецком языке. Действительно, найден язык, объединяющий все национальности России!.. Есть издания и на английском языке. Обещают вскоре выпускать и на французском. Тоже понятные всем народам России языки. Но нам, знающим, как трудно выпускать хотя бы листовку, не понятен финансовый язык АБН: откуда берутся деньги на выпуск подобной, с позволения сказать, литературы? Ссылкой на карманы ди-пи нас не купишь, мы-то знаем, каковы ди-пийские карманы!..

Н. Пермяк

ПОДАРОК СТАЛИНУ

Недавно мне совсем случайно попался старый католический журнал за декабрь прошлого года. В нем помещена интересная заметка: одна женщина из Америки послала в подарок Сталину ко дню его семидесятилетия библию на английском языке. Оптимистка выразила уверенность, что после ознакомления с библией Сталин превратится в смиренного христианина и дарует подяремным народам России всяческие свободы.

Сталин, конечно, не знает английского языка. Он даже и русским-то владеет неважно. Но у него достаточно переводчиков и, видимо, скромный дар католички не пропал даром. Вскоре после помпезно отпраазднованного юбилея в СССР снова была официально введена смертная казнь, формально отмененная незадолго до этого.

Наивная дароносица наверное была страшно поражена обратным действием своего подарка, но зато практически убедилась, что большевицкого волка невозможно переделать в кроткого христианского ягненка.

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

(На правах дискуссии)

В № 34 "ДТП" Живко Колев поставил несколько вопросов, на которые каждый из нас должен дать ответ. Если не в печати, или на собрании, в беседе, то самому себе такой ответ должен быть дан.

Поднятые Колевым вопросы сводятся к следующему: 1) С кем и против кого мы должны итти в будущей неизбежной схватке двух миров: тоталитарного большевизма и "демократического" капитализма? 2) Каково должно быть наше отношение к этой войне?

Сам Живко Колев, испытав на практике большевизм, уже ответил на эти вопросы. Ответило на них и большинство бежавших от тоталитарного большевицкого гнета.

Я не совсем согласен с Колевым в его нумерации врагов, когда он называет большевизм врагом № 1, фашизм — № 2, буржуазный демократизм № 3. Для меня лично фашизм был врагом № 1, для рабочих стран буржуазной демократии, не знавших, ни большевизма, ни фашизма, врагом № 1 является эксплоатирующий их строй и т. д. Даже с чисто общечеловеческой точки зрения нумерация врагов не может внести ничего нового в наши убеждения. Мы противники государства, будь то монархия, или олигархия. Мы знаем, что ни одна из известных миру, отживших или существующих, форм государственного устройства не давала и не даст трудящемуся народу экономического равенства, свободы и счастливой жизни, не освободит народ от эксплоатации, нужды и лишений. Поэтому, никто из нас не собирается вставать на защиту какой бы то ни было государственной формации. Другое дело, когда речь идет об опасности для **народа,** для всего трудящегося населения, независимо от его национальности и географического положения.

Союзники западного блока берутся за оружие против большевизма не потому, что он безжалостно эксплоатирует и тиранизирует подвластных ему людей, но потому, что он угрожает их существованию. Западным буржуазно-демократическим государствам, как и самому большевизму, интересы трудящихся совершенно чужды, и война будет вестись за самосохранение и за сохранение своего мирового влияния, а еще больше за господство государства над своими народами. Люди, серьезно верящие в какую-то "освободительную миссию" американского милитаризма против большевицкого милитаризма, просто безумно принимают пропаганду за реальность. Разве в 1941 году Америка и Англия не знали, кому они помогают в борьбе против Гитлера? Не знают, что представляет собой режим Франко в Испании, которому предоставляют кредиты? Не известно им лицо югославского Сталина — Тито, несколько модернизированного в смысле национальном? Всё известно. И если буржуазные демократии помогают заведомо известным диктаторам, то это не значит, что они помогают народу этих закабаленных диктатурой стран. Интересы народа Югославии и Испании им так же чужды, как интересы народа собственной страны. Когда требуют их интересы, буржуазные демократии согласны торговать с каннибалами или заключать с ними трогательные экономические, политические, военные и какие угодно союзы.

Все это — азбучные истины, известные каждому, кто хоть немного задумывается над смыслом происходящих событий в сфере "высокой политики." Азбучная истина, что всё трудящиеся человечество — против войны, и если войны возникают и ведутся, то рабочие, крестьяне, ремесленники и мелкие служащие в них совершенно не повинны: в военное время государство эксплоатирует их еще свирепей, чем в мирное время, заставляя проливать не только пот, но и кровь. Мы, — если мы хотим быть выразителями народных чаяний, — естественно противники войны, всякой так называемой "классической войны," при которой одно государство старается проглотить другое. Но когда народ вооружается для защиты против своих поработителей, мы не можем оставаться на позициях пацифизма. Весь вопрос в том, **против кого** и **за что** ведется война. Сейчас привыкли всё сваливать на "коммунизм": забастовка — коммунисты организовали; поднялся колониальный народ против своих поработателей — коммунисты виноваты! А вивноваты-то сами господа, доводящие своих колониальных рабов до такой жизни, из которой хоть в омут головой. Возьмем один пример: французский рабочий получает в обесцененой валюте такую низкую заработную плату, которой ему не хватает для жизни. Он требует прибавки и устроивает

забастовку. Его хозяин, разжиревший на барышах, орет: "Это — коммунисты, они хотят подорвать нашу страну и отдать ее Сталину!" Но при чем здесь коммунисты? Дайте рабочему то, что он заработал, то, что ему необходимо для жизни, и он не будет бастовать. Однако под маской борьбы с коммунизмом сейчас кое-где проводятся такие драконовские меры против народа, что остается только головой качать. И был бы очень глуп международный большевизм, если бы он не использовал этих стихийных народных взрывов для своих целей; с таким врагом нечего было бы и бороться. Американского рабочего, зарабатывающего достаточно для удовлетворения своих основных потребностей, труднее поймать на большевицкую удочку, чем голодного китайца, не могущего даже прокормить свою семью на заработок. Жестоко эксплоатируемого жителя колонии легче поднять на мятеж, чем сытого и "свободного" гражданина метрополии. И если бы Англия не предоставила Индии самостоятельности, то естественный взрыв протеста многомиллионного населения тоже стали бы рассматривать, как "коммунистическую" акцию?..

Нет! Большевизм берет только то, что плохо положили. Он, как наиболее способный и энергичный хищник, понял дух времени, понял настроения народов, желающих, наконец, жить по-человечески, и пользуется этими настроениями для своего преступного дела. Трудовой народ доведен усилиями капиталистической "демократии" до такого состояния, что ему больше терять нечего. **Чем сильны большевицкие влияния? Только нищетой народа!** Мне пришлось разговаривать с немецкими "коммунистами." Разговор любопытный.

— Почему ты коммунист?

"Потому, что я хочу, чтобы все жили хорошо."

— Но знаешь ли ты, что в СССР рабочие живут в сто раз хуже, чем ты?

"Пускай так, но там **все** бедны, **все** одинаковы. А если богаты будут, то тоже **все!** А здесь? Я работаю, как проклятый, с утра до вечера, не вижу солнечного света и не могу прокормить, одеть и обуть свою семью. А мой хозяин-миллионер целый год ездит по курортам, строит виллы во Франции, в Швейцарии, Италии, держит для своей жены и детей десятки нянек, бонн, учителей, поваров, а если заглянет на завод, то орет, что мало вырабываем, но зато много получаем и много жрем!.. Один рабочий заметил ему, что согласен поменяться с ним ролями. Через неделю этого рабочего уволили. Хороши порядки?..

"Коммунистического" в таких рабочих очень мало. Но они — враги существующего ужасающего неравенства и это толкает их в ряды коммунистических партий. Во Франции, Италии, Бельгии — везде, где существует наиболее дикая капиталистическая эксплотация и подавляющее экономическое неравенство, — компартии наиболее сильны и пользуются большими симпатиями. Наши ди-пи, возвратившиеся из бельгийских шахт, рассказывают, что каждый второй шахтер — коммунист, юридический или сочувствующий. "Если бы мы не знали практики 'коммунизма' в СССР, — мы тоже стали бы коммунистами" — в один голос заявляют все ди-пи шахтеры.

Что сие значит? В советской России говорили: "От хорошей жизни в... партию не пойдешь." В капиталистических странах рабочие идут в компартии тоже не от хорошей жизни. Международный большевизм **обещает** рабочим коренную перестройку социальной системы, уничтожение эксплоататоров и эксплоатации, повышение жизненного уровня. Капиталистическая демократия рабочему **ничего не обещает,** или обещает сохранить существующие свободы, которые без свободы экономической не стоят ломаного гроша. Международный большевизм привлекает трудящегося перспективой обеспеченной жизни. Буржуазный демократизм никакой перспективы не дает: пока существует этот строй, рабочий обречен на тяжелый труд, на нищету. Реальных улучшений он не видит, сопоставить свою жизнь с жизнью советского рабочего он не может. Что же удивительного, если его взоры привлекает "синяя птица" большевизма?

В советской России был такой анекдот: на балконе 6 этажа стоит Сталин и английский дипломат. Сталин хочет доказать англичанину, как народ ему предан. Внизу проходит рабочий. Сталин окликает его и зовет к себе. Рабочий подымается. "Готов ты для меня пожертвовать жизнью?" — спрашивает Сталин. — "Когда угодно!" уверенно говорит рабочий. "Так прыгни с балкона!" Рабочий идет и хочет перелезть через перила. Его удерживает англичанин и спрашивает: "Почему вы хотите прыгать, ведь вы убьетесь!" — "Ах, все равно," — отвечает рабочий: — "Так жить — только мучиться, а потом — смерть; прыгнуть — тоже смерть, но зато без мучений..."

Этот анекдот можно свободно приспособить и к "демократической" действительности. Здесь рабочий тоже поставлен в такие условия: или жить — мучиться, или умереть. Выхода нет. Отдавай по каплям свои силы, мозг, мышцы, знания, если хочешь кормить семью, а то и кровь, и жизнь, когда придет война. Ты — раб, рабом родился, рабом и умрешь, ты обречен на вечный труд, ибо другого истсчника для жизни нет, а "от трудов праведных не наживешь палат каменных."

Что ж нам защищать такую "демократию," призывать рабочих отстаивать право капиталистов жиреть и эксплоатировать?

Такие мысли неизбежно встанут перед каждым, кто попытается ответить на вопросы, поднятые Живко Колевым. Так с кем же итти? Против большевизма и против демократий? Но мы бессильны остановить колеса пущенных в ход военных машин и предупредить неизбежное столкновение двух систем. Стоять в стороне мы не можем. Война так или иначе вовлечет нас в свою орбиту.

Из двух зол приходится выбирать меньшее. Это меньшее зло — западные демократии, предоставляющие человеку больше свободы и самостоятельности, нежели большевизм, превративший человека в государственного крепостного, закабаливший не только тело, но и ум. Да, мы **должны** пойти с демократиями против большевизма, потому что большевизм — наиболее опасный враг для всего трудящегося человечества. Во время схватки с гитлеровскими бандами мы встали на сторону русского народа, но не большевизма. Объединенными усилиями наций фашизм разбит и нашел свой бесславный конец. Взамен ему остался большевизм, присвоивший победу народов России и вынашивающий планы завоевания мира. Если большевизм победит, человечество будет отброшено назад на целые столетия, и все социальные завоевания трудящихся, добытые жестокой борьбой с капитализмом в течение двух веков, будут уничтожены. Победа буржуазных демократий будет способствовать дальнейшему прогрессу движения трудящихся, нанесет удар капитализму, ибо народы потребуют за свое напряжение, за свои страдания и кровь реальной платы, улучшения жизненных условий. Война развращает народы, но одновременно она и учит ненависти к окопавшимся в тылах денежным мешкам, расширяет кругозор солдата, пробуждает новые мысли, укрепляет интернациональные связи.

Наш путь — с демократиями потому, — и это самое важное, — что порабощенные большевизмом народы России с нетерпением ждут освобождения от 33-летней Ленинско-Сталинской кабалы. Ждут освобождения и народы стран ,находящихся под большевицким владычеством лишь несколько лет, но достаточно испытавшие за это время тяжесть тоталитарной диктатуры. А интересы народов — наши интересы.

Для таких выводов нам совершенно не нужно отказываться от наших принципов, чего опасается Живко Колев. Являясь непримиримыми врагами большевизма, мы не будем поддерживать организованные компартиями забастовки и восстания, направленные на подрыв сил враждебного большевизму блока. Но если забастовка возникнет вследствие ненасытных аппетитов предпринимателя, мы обязаны ее поддержать. Если "демократические" государства, пользуясь военно-подготовительным шумом, наложат на плечи трудящихся непосильные налоги, всегда связанные с милитаризацией страны, мы обязаны сказать свое слово: пусть раскошелятся богачи, нажившие свои миллионы на эксплоатации рабочих и крестьян! Они-то не пойдут проливать свою кровь, и если им дорога своя шкура, пусть платят!

Нам известно из опыта, что в смертельном страхе за свое существование государство во время войны очень щедро на всякого рода обещания. Даже большевицкий режим во время войны с Гитлером допускал всякие "вольности" и сулил рабочим и колхозникам златые горы. Наша задача — научить трудящихся немедленно требовать от государства выполнения обещаний уже сегодня, а не после победы. Во время войны государства и их правители особенно ясно сознают свое бессилие и беспомощность. Нужно постараться укрепить в народе веру в свои силы и мощь, воспитывать чувство независимости и свободы. В борьбе против большевизма нам нужно показать народам, что они бьются **не за государство** и существующий фронт, а за свою жизнь и свободу, за свою семью и землю, за самих себя. Точно также нужно ежедневно, ежечасно разъяснять трудящимся, что они борются не против народов России и народов стран—сателлитов, но **против государства** большевиков, против шайки насильников, гонящих в бой миллионы русских, украинцев, киргизов, татар, грузин, поляков, китайцев и т. д.

Война между двумя гос-формами неизбежна и начало ее — только вопрос време-

ни. Сегодня, завтра, или через год война вспыхнет. Но сейчас оба лагеря стараются всеми силами оттянуть решительный час. Заигривание со Сталином продолжается, а усатый "вождь народов" делает вид, что он склонен к миру. Хотя это "мироискательство" совершенно никого не обманывает и все сознают, что бочка с порохом, как на нее ни садись, все равно предмет опасный, но делают вид, что обе стороны склонны к "мирному разрешению конфликтов."

От войны может спасти только чудо в виде внутренней революции в СССР или перехода Мао-Тзе-Дуна на положение китайского Тито. Но против таких "чудес" у Сталина имеются сильнодействующие средства. Поэтому наша задача — учить трудящихся, чтобы они требовали от своих правительств не итти ни на какие сговоры и сделки с большевизмом, помня урок Рузвельта. Ни пяди земли Сталину, ни одного человека на расправу!

Если демократии честно выступят на защиту угнетенных большевизмом народов и не будут прятать за пазухой камня, народы России, Чехословакии, Польши, Болгарии и т.д. пойдут с ними против большевизма, и трон Сталина, крепко покачнувшийся во 2-ю мировую войну, наконец, упадет. Но если демократии не учтут прежних уроков и попытаются вместо освождения от большевизма принести колониальные порядки, — тогда горе им.

Сейчас демократические организации в Америке и в других странах проводят большую работу среди населения и в правительственных кругах, чтобы доказать общественному мнению, что народы России и власть — два противоположных лагеря, два полюса. Постепенно эту истину начинают понимать, но массы, воспитываемые нездоровой прессой и прокоммунистическими агитками, еще отождествляют оба понятия. Это — громадное зло, могущее привести к трагедии в грядущих событиях. Мне кажется, что нужно всеми мерами поддержать демократов и объяснять везде и всюду, что интересы народов России совершенно идентичны интересам трудящихся всех стран, что большевизм—злейший враг всех народов мира и что российские народы первыми приняли на себя удары этого врага, как в свое время приняли удары полчищ Чингиз-Хана и тем самым спасли Европу от монгольского нашествия. Народы России спасли Европу от Наполеона, спасли ее от Гитлера при поддержке демократий. Они же явятся и главной силой в деле спасения уже всего мира от Сталина.

Нужно также настойчиво продолжать разоблачение большевизма, показывая его подлинное лицо. Возможности наши очень ограничены, но это не должно нас останавливать: иногда простое и короткое слово правды действеннее многотомной диссертации. Было бы хорошо, если бы мы сумели свой журнал протолкнуть за "железную завесу" по примеру других организаций, распространяющих свою литературу среди солдат советского гарнизона в городах восточной Германии. Дело это сложное, но осуществить его можно, если найти друзей в западных секторах Берлина. В случае же войны нам необходимо принять живейшее участие в пропагандной работе против большевизма.

Мы были бы неисправимыми оптимистами, если бы думали, что на смену большевизму в России придет безвластный строй. Единственно возможная форма устройства будущей России — демократическая республика или ряд республик на подобие американских штатов. Для России такое устройство будет уже громадным шагом вперед, и с нашей стороны было бы неумно мешать созданию такого порядка. Для народов России это явится уже огромным благодеянием. Отсутствие частной собственности, привычка работать в коллективе, слабое влияние религии, полное крушение авторитета государства в умах людей — все это со временем принесет плоды, и мне кажется, что народы России окажутся в будущем в первых рядах строителей действительно свободной и полноценной жизни. К сердцу русского народа наше слово найдет широкую и торную дорогу. А это уже стоит того, чтобы приложить все наши силы.

М. Егоров

ОБЫЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В Западной Германии насчитывают 50 миллионов жителей. На это количество населения, как сообщают газеты, приходится 1,100,000 "управляющих," как их называет печать, т.е. всякого рода чиновников. Если принять во внимание, что работает четверть населения, то выходит, что каждые 12-13 рабочих должны содержать одного чиновника. Почтовое и железнодорожное ведомства в эту статистику не входят; стало-быть, чиновников еще больше! Не слишком ли много "управляющих" в "новом государстве"?

Н. П.

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗКИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

(Из путевых впечатлений)

Окаменевшие деревья Аризоны

Случайно пришлось побывать в южных и юго-западных штатах. Места эти, надо скасказать, — цитадель клерикализма. Церковь там, как нигде, глубоко запустила свои щупальцы во все щели повседневной жизни. Ее веяние чувствуется на каждом шагу. Даже фабриичные здания в некоторых местах своим внешним видом напоминают церковь. (Это мне пришлось видеть в Сан-Антонио, Тексас.) Значительная часть городов и улиц носят названия святых... Но в то же время эти места изобилуют несчислимыми данными, разбивающими вдребезги все библейские сказки. Вот, например, огромная площадь земли в Аризоне... Тысячи и тысячи акров (в точности 85,303 акра). Это — национальный парк. Под словом "парк" мы, обыкновенно, подразумеваем зелень, деревья, цветы и т. д. Ничего подобного здесь нет. Ни дерева, ни кустика, ни травинки. Голая земля, камни да песок кругом. Пустыня, мертвая пустыня! Только огромные стволы многолетних деревьев, поваленных на землю, виднеются то тут, то там. Смотришь на эти стволы, кажется — дерево: кора, сучки — все как следует. Подойдешь ближе, потрогаешь рукой — камень. Настоящий кремнистый камень!

Вот эти окаменевшие деревья и послужили причиной для превращения этой пустынной местности в национальный парк. Ученые из разных уголков страны стекаются сюда, бродят под палящими лучами солнца в надежде обогатить палеонтологию новыми изысканиями. Из парка ничего нельзя уносить, — даже мельчайшего кусочка "дерева." Но по выходе, почти у самых ворот парка, можно купить у частных лиц любых размеров это редчайшее явление природы. Предприимчивые торговцы вместе с кусочками окаменевших деревьев продают и другие предметы, в том числе и распятие Христа.

Вот тут-то и открывается та "пропасть," на которую следует обратить особое внимание. Распятие Христа — символ той легенды, согласно которой мир был создан в течение шести дней приблизительно шесть тысяч лет тому назад. Кусочки окаменевших деревьев говорят совсем о другом: согласно научным исследованиям, прошло не менее 160 миллионов лет с тех пор, как эти окаменевшие деревья шумели на корню... Следует также иметь в виду, что до наступления момента, когда деревья превратились в камень, тоже прошел, повидимому, не один миллион лет. Трудно представить, как два понятия, взаимно исключающие друг друга, могут ужиться под одной крышей. Но в южных штатах это — обычное явление. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.

Как только где-либо приподнимается краешек природной тайны и начинает привлекать людей, так немедленно же туда "прилаживается" церковь со всеми своими аттрибутами. Библию (самое полное издание) можно найти в любой комнате в южной гостиннице. Крест бросается в глаза на каждом шагу: и в шумных городах, и в безлюдных местностях пустыни. Самая высокая гора,— их много на юге, — обязательно увенчана крестом; при входе в ущелье неизменно красуются начертанные на скале слова: "Христос спасет нас." История юга во многих случаях подменена историей монастырей и католических миссионеров. Падким на разные новинки туристам показывают большей частью те места, где когда-то жили и молились монахи. И показывают, конечно, за плату, довольно высокую. Так что католическая церковь нисколько не уступает "род-хаузам" (придорожным кабачкам), процветающим главным образом за счет туристов. Торговля в бывших молитвенных местах идет во всю, как когда-то в палестинском храме перед тем, как Христос взял в руки бич и изгнал торгашей. Торгуют всем, разными безделушками, но больше всего изображениями святых.

В России когда-то обильной статьей дохода для церкви служили разные мощи и связаннное с ними паломничество. В Америке церковь для этой цели создала и использовала "исторические памятники." Правда, в России многое носило казенный характер, но не малую роль играло там и то обстоятельство, что население страны пребывало в темноте и невежестве. Последним объясняется до известной степени и засилие клерикализма в южных штатах. Удивляться, впрочем, тут приходится не этому: невежество — родная сестра церкви, это общеизвестно. Удивительно лишь то, что среди ученых все еще находятся отдельные личности, утверждающие, что библию необхо-

димо преподавать не только в начальных, но и высших учебных заведениях. Чем это объяснить? Трудно предположить, чтобы эти ученые не знали о противоречии между библией и наукой. Одно из двух: или им выгодно держать население в заблуждении, или же они, наплевав на научные истины, преследуют исключительно свои личные цели и действуют в соответствии с поговоркой, гласящей, что в мутной водице удобние ловить рыбу. Слов нет, есть и такие ученые, которые считаются учеными только потому, что им удалось получить известный клочек бумаги — диплом. Мысль их пребывает в летаргическом сне, они, как попугаи, повторяют только то, что сказано другими. Эти люди (некоторые из них очень хорошие по своей натуре) восхищаются при виде чудес природы, но в то же время они в точности выполняют все предписания церкви. Я встречал человека, который с особенным упоением излагал историю происхождения Грэнд Каньона, и вместе с тем регулярно посещал каждое воскресенье церковь. Людей этого типа можно уподобить детям, способным увлекаться разными, даже противоположными предметами.

Нельзя, конечно, забывать и того, что значительная часть теперешнего населения идет по линии наименьшего сопротивления, т.е. как бы автоматически выполняет все формальности. Помнится, слушали мы с приятелем последнюю присягу покойного Ф. Рузвельта во время войны. Присяга закончилась словами: "да поможет нам Бог." Услыхав эти слова, мой приятель заметил: "Неужели он, автор Нью Дила, аристократ и питомец Харварда, верит этим словам? Если так, то зачем же производить амуницию? Не лучше ли свои взоры устремить на небо? Всемогущий услышит мольбы и сделает так, что немцы и японцы в один миг побросают ружья и побегут обниматься с американцами. Это сбойдется дешевле, и будет меньше кровопролития." Ответа на эти вопросы мы, конечно, не получим. Но это доказывает, что, придерживаясь поговорки "из песни слова не выкинешь," — можно дойти до какого угодно абсурда. Как не вяжется библия с современной техникой ведения войны, так не вяжется она с естествознанием. Седой Саваоф, повидимому, еще и не помышлял о сотворении мира в то время, как нынешний пустынный американский юг представлял собой цветущую долину. Там жизнь била ключем. Росли огромные дерева, шелестели травы, журчали ручьи, пели птицы, резвились животные. Потом произошла катастрофа. Почва заколебалась... Как во время взрыва, огромные пласты земли полетели вверх, а затем, падая, похоронили под собой все. Образовались высокие горы. Из-за прекращения притока воздуха засыпанные деревья превратились в камень. (Не только деревья, но все, что было засыпано, окаменело.) Все это, конечно, произошло не так быстро, как мы говорим. Процесс превращения деревьев в камень продолжался, быть может, миллионы лет. Другие миллионы прошли прежде, чем человек обнаружил эти окаменевшие деревья. Сначала все было глубоко засыпано, потом под действием ветра и воды некоторые стволы оказались на поверхности земли.

Грэнд Каньон

Недалеко от этого "чуда" (все в той же Аризоне) находится другое чудо природы— Грэнд Каньон. Мне много приходилось читать о Грэнд Каньоне, но когда я его увидел в действительности, то я убедился, что это явление нельзя передать ни словами, ни красками. Наш язык слишком бледен по сравнению с тем величием, — в смысле красоты и грандиозности, — которое представляет собой Грэнд Каньон. Главная красота этого огромного оврага, доходящего местами до 5,000 футов глубины, заключается в том, что обнаженные пласты земли имеют самые разнообразные цвета, и что эти цвета чуть ли не каждый час меняются в зависимости от того, под каким углом падают солнечные лучи. Говорят, что наибольшей волшебности это чудо природы достигает в лунную ночь. Тот факт, что пласты земли не одинаково прочны (один тверже, другой мягче) привел к тому, что берега, утесы и поднимающиеся со дна горные кряжи превратились в своеобразные фантастические дворцы. Когда смотришь на Каньон, кажется, что смотришь на бесчисленное количество храмов восточной архитектуры.

(Окончание следует)

Автономов

Статьи и корреспонденции, присланные для напечатания в журнале, должны быть четко написаны чернилами на одной стороне листа за подписью или псевдонимом автора. Редакция оставляет за собой право сокращать и изменять рукописи по своему усмотрению. **Ред. Коллегия.**

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА В НОВОРОССИЙСКЕ

С осени 1929 года комвласть начала вводить в деревнях новую форму хозяйства — колхозы. С этого времени началась трагедия не только крестьян, но и всех граждан "социалистического государства."

Уже через год результаты "добровольной" коллективизации начали ощущаться и в городах: на продукты и ширпотреб (товары широкого потребления, как одежда, обувь и т.д.) была введена карточная система. Вся территория СССР и его население были разделены на пояса и категории. От этого деления особенно пострадали провинциальные города, где пшеничный хлеб заменялся суррогатным и где месячного пайка едва хватало на две недели. На свободный рынок поступало все меньше продуктов и цены на них росли. Полуголодные рабочие некоторых городов отвечали на это забастовками, а иногда и восстаниями.

В одно апрельское утро 1930 года граждане города Новороссийска не услышали гудков цементных заводов. Накануне цементникам было объявлено об отмене выдачи молока. Рабочие на это ущемление ответили стихийной забастовкой. Необычайное событие, весть о котором молниеносно распространилась по городу. К забастовавшим присоединились портовые грузчики, рабочие мелких фабрик и заводов, находящихся в центре города, и, как бы по инерции, служащие этих производств. Забастовка приняла почти всеобщий характер. Местная власть, состоявшая в основном из членов партии, не растерялась. Связь города со Стандартом, т.е. с рабочим поселком, расположеным за заливом в районе цементных заводов, оборвалась. В заливе вместо обычных пассажирских катеров и всевозможных барж и лодок, патрулировали лишь катера береговой охраны. Миноносец "Смелый," спешно снявшись с якоря, вышел в море. Греческие моряки, еще вчера видевшие, как трюмы их пароходов засыпались русским зерном, сегодня недоумевая посматривали на безлюдную пристань и спокойную гладь морского залива. Однако их недоумения скоро развеялись. К ним был направлен студенческий хор педагогического техникума, несколько комсомолок греческого происхождения и "лектор" из НКВД. После, смеясь, по секрету рассказывали, что "лектор" сей "хмурый день" назвал "Днем Колхозника," в который многие рабочие, повернувшись лицом к крестьянству, выехали помогать "новой стройке на деревне—колхозу" и что обыватели, в знак уничтожения границы между городом и деревней, устраивают манифестации, а пролетарское студенчество, как видите, решило устроить смычку с вами, товарищи иностранные моряки. Последние слова были встречены громом апплодисментов. В это же самое время во всех заводах, фабриках, учреждениях и учебных заведениях экстренно, через телефонограммы и курьеров, созывались закрытые партийно-комсомольские собрания. На опору комвласти возлагалась почетная миссия "идти в народ" в качестве сексотов, т. е. тайных агентов, и выявлять зачинщиков "антинародного" выступления.

Вот сжатое содержание речи нашего парторга:

"Товарищи! еще т. Ленин говорил, что врага мы разгромили, но еще не добили. Слова т. Ленина подтверждаются сегодня. Вражьи осколки, в лице бывших нэпманов (золотопогонников, церковных пауков, сельских кулаков и прочей нечисти), проникнув в среду рабочих цементных заводов, свили там свое гнездо и теперь, сломив дух неустойчивых рабочих, повели их против рабоче-крестьянского правительства. Товарищи! Мы проглядели, мы забыли слова нашего мудрого учителя, т. Сталина: 'Бдительность прежде всего.'

"Товарищи партийцы и комсомольцы! Партия и правитльство, доверяя вам, посылает вас на ответственные участки, чтобы распознать волка в овечьем стаде. Не бойтесь вставлять словечки и, взявши на мушку распоясавшегося врага, не отходите от него, пока не прощупаете, кто он и где работает. Завязывайте разговоры и пускайтесь на политическую откровенность. Запоминайте его реплики.

"Еще, товарищи, у кого заметите огнестрельное или холодное оружие или фотоапараты, незаметно отойдя, сообщите звеньевому. Каждый из вас к 10 часам вечера должен дать отчет о выполнении задания. За невыполнение, товарищи, сами знаете, по головке не гладят, но услуг партия и правительство не забывает. Или мы должны сломить врага, или он вырвет у нас ленинско-сталинское знамя свободы и снова оденет цепи рабства."

После разъяснения задачи и идеологической "подковки" партийцы и комсомольцы парами, во главе со "звеньевым," были разосланы на установленные посты.

Всем энкаведистам и части милиции было приказано переодеться в штатское: одним в рабочую спецовку, другим в праздничные костюмы. "Рабочие" должны были оставаться в городе и, влившись в народную массу,

занять ответственные позиции. "Разодетые" должны были прихватить десятка два комсомолок, разгуливать по пристани, изображая праздничную публику. Неизвестных, желающих пройти через пристань, они должны были возвращать, а особо-упорных арестовывать. Боясь саботажа "социально чуждых" и "разложившихся" рабочих, цементные заводы и вся прилегающая к ним территория были заняты отрядом красноармейцев особого назначения. Остальных красноармейцев в запертой и крепко охраняемой казарме накачивали "сутью кулацко-нэпманской вылазки," с соответствующими выводами на пожарный случай. Пожарная команда цементных заводов, на пути к пристани, выстроила стеной свою конную упряжку в боевом порядке и пожарники, как истуканы, не отходя от шлангов, простояли до следующего утра, т.е. пока рабочие не приступили к работе. Если в центре Новороссийска горожанин не мог встретить блюстителя порядка, или человека в военной форме, особенно с малиновыми петлицами, то на Стандарте, куда без приглашения не заходили иностранцы, в шкуре хамельона не нуждались и Стандарт имел вид объявленного на военном положении городка. Все дороги из поселка были заняты милицией. Группы даже в два-три человека немедленно разгонялись..

Рабочим, прижатым силою оружия к стене, ничего не оставалось, как пойти на собрание, на которое их приглашали развешенные объявления. К 12 часам дня собралось много народу на Серебряковской улице и у здания Горсовета. Масса с серыми изнуренными лицами, переливаясь, как море, шумела. Из ее гущи доносились иногда четкие выкрики: "Долой глину, да здравствует хлеб!", "Даешь прибавку к зарплате!"", "Эй, Сталинская знать, выходи, аль, обожравшись, в кабинетах заседаете!"...

Одна женщина, обращаясь к соседям, со слезами рассказывала, что она, не достоявшись в очереди за хлебом, пошла на работу, а ее десятилетный сынишка, придя из школы и не найдя хлеба, взял карточки и ушел в очередь. Когда он, изголодавшийся, наконец попал в хлебный ларек, то незаметно нырнул под прилавок. Его схватили с хлебом, вытащили на улицу и бессердечно избили. Милиция отправила мальчика в больницу, где он и умер через несколько дней.

— Они, — говорила она, указывая пальцем на здание Горсовета, — объедаются, а мы с детьми погибаем от голода. Вот и посудите наша это власть или сатанинская?...

— Ясно — сатанинская, — ответила соседка. Говорят, у Сталина на два сантиметра рога выросли, оттого он и не снимает своей капелюхи.

— Хватит тебе бузить, — сказал ей муж. Видишь, товарищи в юбках стоят, — и он качнул головой в нашу сторону. — Донесут, через тебя и мне не сдобровать...

Слушая рассказ женщины, я сравнила Дашу из романа Гладкова "Цемент" с реальными Дашами. Стояли эти Даши полуголодные, полуоборванные, без пафоса и без всяких перспективов на будущее. Толпа рабочих стояла у Горсовета и посматривала на балкон, ожидая выхода избранных представителей, но никто не появлялся. Только в 12 часов дня из рупора послышался хрипящий голос:

"Товарищи, горсовет, вами избранный, просит вас разойтись!"

— Хлеба нам! Детям молока! — закричал народ. Из рупора продолжали:

"Товарищи, сейчас время обеда. В 4 часа дня там-то и там будут проведены собрания с депутатами горсовета, на которых вы можете изложить все недочеты материального характера, а пока просим всех разойтись..."

— Глину еще вчера съели, — закричали со всех сторон, а сегодня дайте хлеба, тогда мы пойдем обедать.

— Почему никто не выйдет на балкон, разве здесь нельзя говорить? Из рупора повторилось требование разойтись.

— Да их нет никого; это пьяный сторож рычит. Попрятались, свои своих боятся!

— Эх, братишки, за что мы боролись? Пошлю-ка я им "вздобу," может еще спят...

Паренек отломав ломоть хлеба, который своим видом напоминал кусок сырой глины, скатал его и бросил в окно горсовета. Стекло зазвенело. Хлеб оказался тяжелым, а рука легкой. В окна и на балкон стали лететь вместо хлеба камни.

Иерихонская труба снова заглаголила, но ее уже никто не слушал. Часть толпы бросилась очищать магазин, но наткнулась на засаду: у окон и дверей стояли штатские с оружием в руках. Большая часть толпы стояла у горсовета и готова была взять его приступом, как вдруг послышались крики: "Пожарные, пожарные!"

Неорганизованная толпа сперва застыла, а потом панически кинулась врассыпную, сбивая друг друга с ног. Через пять минут Серебряковская была пуста. Районные собрания состоялись, но были малолюдны и

ПОЛВЕКА СКИТАНИЙ И БОРЬБЫ

Россия и Америка. Миннеаполис

Каждое лето я должен был покидать родную деревню и уезжать на заработки в города. За последние 5 лет перед отъездом в Америку я побывал в Одессе, Астрахани, Москве и Перми; принимал участие в трех забастовках, но никак не мог свести концы с концами. Тяжелое впечатление производили на меня эти поездки по России: я видел бедноту, нищету и забитость русского рабочего люда.

Постоянная нужда и растущая ненависть к царским порядкам вынудили меня переселиться в далекую, неизвестную мне страну, Америку, куда я приехал в 1906 г., в самый разгар безработицы, без знания языка, и никак не мог пристроиться на работу. Приходилось, как и в России, кочевать из одного города в другой в поисках работы, пока я не очутился в Миннеаполисе, штат Миннесота. Там я нашел товарищей и работу. Устроился на квартире, с харчами и со стиркой белья, у А. Гусака, выходца из Галиции.

Хозяева были люди добрые, а хозяйка, с ее золотыми руками, как-то умудрялась кормить и обмывать 12 квартирантов и свою семью с 4 детьми, убирать весь дом и держать все в чистоте. Сам А. Гусак был прекрасный музыкант и под его игру молодежь танцевала до упаду, ухаживая за его красивой дочкой. Но эти танцы и веселье мало прельщали меня, моя мысль уносилась на далекую родину к бедным белорусским хатам, где мои соседи-крестьяне задыхались в тесноте, будучи не в силах освободиться от помещичьего зажима.

Посоветовавшись с моими земляками, Петром и Василием, мы решили основать просветительный кружок. И вот в феврале 1910 г., под председательством Гусака и на его квартире, под гимн "Ще не вмерла Украина," мы открыли первое собрание, на котором Василий в короткой речи призывал галичан объединиться с русскими и совместно бороться против русского и австрийского империализма за лучшую жизнь и свободу. Собрание прошло с хорошим успехом, а весть об убийстве графа Потоцкого молодым студентом Сичинским превратила наш кружок в шумный центр австрийской политики.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы Гусак не заявил нам, чтобы мы искали себе новую квартиру, ибо он купил небольшой домик для своей семьи.

Случайная встреча с бывшим польским студентом Пьянковским, политическим беглецом из России, и откровенная беседа с ним о трудностях в нашей организационной работе вызвала с его стороны предложение встретиться в воскресенье на квартире знакомого Платова. Кроме Пьянковского, пришло еще несколько русских, в том числе и Смоленский. В беседе была выдвинута идея культурно - просветительной организации. Эта идея всем понравилась и тут же было решено снять помещение. В июне месяце 1910 года помещение было снято на Николс эвеню—старый "Корт Гауз." Наша организация именовалась: Русский Рабочий Клуб.

Организационная работа РРК постепенно налаживалась: был составлен мужский хор и подготовлена одноактная пьеса, постановка которой прошла с большим успехом, и вырученные от этого предприятия деньги пошли на покупку книг для клуба и на помощь политическим заключенным. Но устраивавшиеся нами доклады и дискуссии не проходили мирно. Вскоре выяснилось, что Пьянковский и Смоленский были заядлыми социал-демократами, а большинство рядовых членов находилось под влиянием анархических идей Бакунина и Кропоткина. Когда эс-деки, в декабре, предложили устро-

---

прошли вяло. Резолюция для всех собраний была одна и та же: немедленно приступить к работе, а все прочее передать на рассмотрение горсовета.

В течение ночи "Черный Ворон" свез около ста человек в ДОМЗАК (дом заключения). Утром, понурив головы, рабочие приступили к работе, но через день на Стандарте "тихой сапой" (ножом) был убит милиционер, охранявший магазин. Магазин был разграблен. Опять начались аресты.

Месяцев через восемь, при закрытых дверях, 103 (сто три) из "бывших" были приговорены к наказанию от 3-10 лет, с высылкой их семейств в северные края СССР. Об описанном событии говорить боялись... А местная газета "Черноморский Край," как и все комгазеты, как будто в эти дни ничего не случилось, трубила о достижениях коллективизации и об улучшении материального благосостояния всех трудящихся "социалистического отечества."

А. Н.

ить предприятие в пользу "Нового Мира," то рядовики отказались поддержать их предложение, за что Смоленский ядовито клеймил нас в корреспонденциях в "Новом Мире" анархо-вредителями, а мы со своей стороны выявляли их политические махинации в "Русском Слове." Весной 1911 года раскол обострился.

Вспоминается курьезный случай: нашим дискуссиям часто мешала "Салвейшон Арми," которая бубнила, пела и играла под окнами нашего помещения. Мы долго не знали, как от них избавиться, пока кто-то не предложил пойти всем собранием и посмотреть, как им понравится наше пение. Сказано — сделано: мы грянули "Отречемся от старого мира," "армейцы" раскрыли рты от удивления, а проходившая публика совала нам и им четвертаки, гривенники и пятаки, совершенно не разбираясь в чем дело. После этого "армия" оставила наш угол и более не появлялась.

Детройт. Русская Революция

Вскоре безработица вынудила меня оставить Миннеаполис, и я не соприкасался с организационной работой до приезда в Детройт в 1915 г., когда я начал заходить по воскресеньям на собрания Союза Русских Рабочих, который обладал огромной библиотекой и часто устраивал доклады и лекции. Выделялся и задевал за живое своим красноречием т. Бельмус.

Осенью 1916 г. в Детройт приехал известный анархист-оратор, т. Волин и прочел несколько докладов по научным и политическим вопросам. Его лекции вызвали живой интерес, массу вопросов и горячие дискуссии. Союз Русских Рабочих ожил: в Гамтрамке вскоре организовался второй отдел СРР, газета "Голос Труда" начала расходиться в сотнях экземпляров; приглашались все новые лектора. Вскоре я вступил членом в первый отдел СРР и начал работать более активно в организации.

В марте 1917 г. получились вести о русской революции, которые были встречены с великой радостью, но с примесью какого-то недоверия к этому великому событию, которое всеми так страстно ожидалось. В следующее воскресенье на наше деловое собрание явился доктор Ривкин, приветствовал нас с русской революцией и заявил, что каждый член Союза Русских Рабочих может ехать в свободную Россию за счет нового правительства:

"Обращайтесь ко мне, и я для вас все это устрою."

Заявление было встречено громкими криками: "ура!" Начались сборы к выезду в Россию.

Детроитская церковная организация пригласила И. Окунцова для доклада о революции в России. Весь наш Союз, отложив свое деловое собрание, отправился на доклад Окунцова. Громадный зал Польского Дома был набит битком, и нам пришлось стоять в проходах. В своей речи Окунцов начал громить богов и верующих, слегка коснулся революции и яростно призывал к оружию и защите русской революции от германского империализма, доказывая, что "если мы не всадим немцу штыка в брюхо, то он нам его всадит."

Поднялся невообразимый шум и крики: "Свое брюхо подставь, а не наше!" "Долой с трибуны!" Окунцову пришлось уйти черным ходом, и церковники почти ничего не узнали о русской революции.

На следующем собрании нашего отдела СРР было решено снять большой зал иллюзиона и призвать представителей всех организаций г. Детройта, с правом высказаться каждому на этом массовом собрании, ибо революция в России вызвала большой интерес в русской колонии. Когда мы явились на собрание, зал был уже набит битком, и публика была в сильном возбуждении. Многие с пламенной верой в светлое будущее России приветствовали революции в России, но когда страсти разгорелись, поднялся невообразимый хаос, в котором один старался перекричать другого: юрист кричал — да здравствует монархия, церковник призывал бить евреев, — они, дескать, завладели Россией, — а монархист доказывал, что мужику не свобода нужна, а нагайка. Такое собрание нас ошеломило, и мы решили не повторять подобной ошибки.

Снова сняв самый большой зал, мы решили выставить своего докладчика и выбрали самого громогласного т. Дубова. Хотя старые работники СРР уехали в Россию, оставив нас сиротами, без интеллигентов, однако унывать и сетовать нам было некогда. Зал, вмещающий более 5,000 человек, был переполнен, и мощный голос т. Дубова тонул в этой массе. Доклад прошел с небывалым успехом духовно и материально. На этом митинге т. Тимошенко предложил созвать представителей всех прогрессивных организаций, дабы обсудить важные вопросы в связи с революцией и объединить все

организации в одну под именем Союза Русских Граждан. Собрание эту идею поддержало, и наши отделы переименовались в СРГ и численно возрасли, дав нам возможность вести пропаганду безвластного общества в более широком масштабе.

Мы старались всячески поощрять возбужденное революцией желание учиться: появились вечерные школы, книги и журналы радикального и прогрессивного направления. Жизнь кипела. Анархические идеи приобретали все более сторонников, что далеко было не по душе т. Тимошенко. Вскоре он вышел из СРГ и с небольшой группой последователей основал в Гамтрамке отдел социал-демократов. Мы часто являлись на его доклады всем Союзом и своими вопросами и возражениями мешали ему расширять его влияние в русских кругах.

Когда мы отправили вторую группу наших товарищей в Россию, наша касса оскудела. Решили устроить предприятие. Впервые в США была поставлена пьеса "Последний день кровавого царя." Зала не могла вместить всю публику, и нам пришлось поставить эту пьесу вторично в Гамтрамке, также с большим успехом. Это нас ободрило, и мы решили, сняв самый большой театр того времени за 600 дол., поставить пьесу Горького "Мещане." Несмотря на высокие цены на билеты (перворядные места по 5 долл.) театр был заполнен, и касса Союза тоже поднялась соответственно успеху.

Кливлендский съезд

В сентябре 1917 г. в Кливленде состоялся анархический съезд, на который я и другой товарищ были выбраны делегатами от Союзов Русских Граждан г. Детройта. На этом съезде я впервые познакомился с тт. А. Шнабелем и Перкусом. Шнабель был избран председателем и в своей вступительной речи призывал все организации соединиться в одну семью для осуществления полной свободы. В сжатых отчетах делегатов выяснились особые характеры организаций, их нужды и недостатки, но когда на втором заседании было предложено начать издание анархического журнала "Буревестник," предложение было единодушно одобрено.

На третьем заседании т. Шнабель предложил всем анархическим организациям перейти из анархо-синдикалистских в анархо-коммунистические группы. В процессе прений т. Перкус настаивал на анархо-индивидуалистических организациях, но съезд большинством поддержал предложение т. Шнабеля.

На четвертом заседании было предложено принять все меры к организации групп в тех городах, где находятся русские выходцы; а из доклада т. Лосьева, редактора газеты Индустриальных Рабочих Мира "Голос Труженика," выяснилось, что он два раза делал попытки организовать группы в г. Сэнт-Луисе, но безуспешно. Я заявил, что у меня там есть много земляков, и мне было предложено немедленно отправиться туда, что я и сделал после отчета о съезде в своем отделе Союза Русских Граждан, который в это время был в полном расцвете. Мне было жалко оставить живую кипучую работу и прощаться с товарищами.

Работа в Сэнт-Луисе и Мадисоне

Мартовская Революция, воодушевившая российских выходцев по всей Америке, по мнению моих земляков в Сэнт-Луисе, Миссури, и в Мадисоне, Иллинойс, на противоположной стороне реки Миссисиппи, была простым захватом власти еврейскими радикалами. Работая до изнеможения, мои земляки проводили свободное время за картами, в "салунах," напиваясь до одурения, и слушать не хотели о какой-либо организации. Целую зиму я толкался по Мадисону и Сэнт-Луису и никак не мог пробудить сознание этой темной, в большинстве неграмотной, массы, пока не приехал весной из Детройта т. Я. Климчук. Вдвоем было отраднее работать, и мы начали еще более настойчиво тормошить землячков. Вскоре к нам присоединился случайно встретившийся интеллигент, — имени не помню, — и в июне 1918 г. нам удалось собрать в С-Луисе небольшую группу под именем о-во "Наука."

Через некоторое время к нам явился представитель от Христианской Ассоциации Молодых Людей (УМСА) и после приветствия нашему начинанию снял фотографию со всей группы, которая, к нашему великому удивлению и негодованию, на другой день была напечатана на страницах с-луиской газеты "Пост Диспатч." На наши протесты при следующей встрече этот господин заявил, что он сделал это для того, чтобы нас не тревожила полиция, и тут же предложил нам бесплатно помещение для устройства намеченного нами концерта. Хотя концерт был дан в Сэнт-Луисе, тем не менее добрая половина посетителей приехала из Мадисона. Это дало толчек вперед и в нашу организацию начали вступать новые члены из обоих городов,а среди них были и мои земляки, что меня особенно радовало. По моему предло-

жению организация была переименована в Союз Русских Граждан, который стал крепнуть и расширять свою деятельность.

Первоначально мы устраивали собрания в библиотеке на Касс Авеню, но в связи с ростом организации сняли обширный светлый зал с трибуной, который, после совместной чистки и украшенья, выглядел очень красиво и уютно. Здание находилось на углу Хай ул. и Карр авеню. Хотя наша организация носила характер культурно-просветительный, но мы отклонили предложение представителя Христианской Ассоциации Молодых Людей открыть вечернюю школу английского языка, ибо все наши помыслы были устремлены на события в России, на ломку царского режима. Это подало повод местной полиции наблюдать за нами и нашей работой. К нам был подослан сыщик в лице молодого польского паренька, который прекрасно владел русским языком и который стал членом Союза, рекомендуя себя тем, что в Варшаве он издавал журнал политического направления. По его доносу работавший с нами интеллигент с социал-демократическим воззрением, с которым я за последнее время вел непрестанные дискуссии, часто переходившие в споры, был арестован. После этого ареста шпик как в воду канул, а наш интеллигент тоже прекратил посещать наши собрания.

Поставленная нами пьеса "Последний день кровавого царя" прошла с большим успехом, и мы решили отпраздновать память событий 9-го января 1905 г. Отпечатали афишы и расклеили по всему городу, но за два дня до празднования в помещение явилась полиция и запретила устраивать митинг. Это нас не смутило и мы с помощью профессора из университета, свободно говорящего по-русски, отправились к мэру города и после долгих допросов и переговоров получили разрешение на празднование.

Наш Союз все более расширялся, много моих земляков из Мадисона вступили в Сэнт-Луискую организацию. Мы увидели возможность образовать отдел Союза Русских Граждан в Мадисоне. Почти все мои земляки и другие русские выходцы вскоре вступили членами в Союз, и первое предприятие в г. Мадисоне прошло с небывалым успехом. Наша публика стала забывать о картах и салунах и с живым воодушевлением работала в организации, но на меня легла тяжесть быть и докладчиком, и певцом, и актером; приходилось не досыпать, но удовлетворение в плодотворности работы поддерживало и укрепляло.

Мы получали "Голос Труда," выходивший в Аргентине, и журнал "Волну," но очень нуждались в литературе по самообразованию. Вообразите нашу радость, когда мы получили первый номер газеты "Американские Известия." Нашим ликованиям не было конца, и мы горячо отозвались на призыв о помощи изданию рабочего органа. Мы начали устраивать предприятие за предприятием и весь доход от них посылали на помощь газете и на покупку научной литературы: трудов Кропоткина, Жана Грава, Малатесты, Штирнера, Рубакина и других Распространение литературы шло очень успешно и анархическое мировоззрение все более расширялось.

Когда из России стали поступать сведения об издевательствах чекистов над русским народом, о массовых расстрелах и убийствах политических противников всех других партий большевиками без расследования и суда, мы объявили большевикам беспощадную борьбу против их насилий. Но большевики — одно, а русский народ — другое; когда в России начался ужасный голод в 1921 г., мы деятельно приступили к сборам пожертвований для голодающего русского населения. Мы передавали все собранные средства присланному к нам из Детройта лектору, д-ру Ровину. Я не могу подробно изложить того, как Ровин, Рустамбек и Мэк-Брэди, при содействии большевицкого представителя Мартенса, сбобрали русскую колонию в Америке и присвоили средства, предназначенные для голодающего русского люда; найдутся другие товарищи, которые прольют свет на это темное, бессовестное злодейство.

Большевицкие наскоки

Были попытки со стороны большевиков разбить наши организации, но все они не имели успеха, благодаря нашей бдительной сознательности. В Сэнт-Луисе в члены нашего Союза записался адвокат Серенко, оказавшийся впоследствии ярым большевиком. Мы думали, что он, как адвокат, может быть нам полезен в защите от все усиливающихся преследований полиции, но каково же было наше удивление, когда наш адвокат трусил перед полицей хуже, нежели мы. Какие только меры ни принимал он, чтобы подорвать нашу организацию. Какие выдумки, побасенки и анекдоты ни пускал он в ход, стараясь дискредитировать анархичес-

кое мировоззрение. Он призывал на помощь лекторов и "ораторов" из компартии города Гэри и Чикаго, но безуспешно: я, с помощью своих, анархически настроенных, товарищей разбивал их в пух и прах. Он предложил мне 40 д. в неделю, с условием перехода на сторону большевиков, но его предательская хитрость всюду встречала отпор. Так большевикам и не удалось заложить ячейки ни в Сэнт-Луисе, ни в Мадисоне.

6-9 марта 1921 г. в Нью Иорке состоялся Третий Общеколониальный Съезд русских организаций США и Канады, на который я был выбран делегатом от Союзов Русских Граждан Сэнт-Луиса и Мадисона. Но этот съезд, как и второй, не носил какой-либо определенной политической окраски. Мои товарищи остались недовольны моим отчетом о Съезде и его деятельности, но это недовольство скоро рассеялось и работа снова закипела по старому.

Из родной Белоруссии стали получаться сведения, что польская шляхта разгулялась и ужасно издевается над белорусским населением. Совместно с литовцами и украинцами мы устроили массовый митинг протеста, на котором выступали наши ораторы, и была вынесена порицающая польских панов резолюция, которую послали в Вашингтон.

Как-то на одно из собраний в Сэнт-Луисе явился подпивший субъект и сообщил нам, что он состоит на службе в местном сыскном отделении и уполномочен следить за нашими организациями. Этот сыщик, сынок русского попа, наладил слежку за двумя самыми активными товарищами: Климчуком и Стасюком. Дабы избежать немедленного ареста, товарищи должны были выехать.

Серенко все активничал: по его предложению из Гэри был приглашен лектор. Вообразите мое удивление, когда через несколько дней ко мне на квартиру явился здоровенный красивый детина, лет 30-ти, отрекомендовав себя Беланом, заявил мне, что он-то и есть приглашенный лектор. Под моим председательством, Белан начал читать лекцию в Мадисоне о Ленине. По окончании лекции он указал мне на двух подозрительных лиц, сказав, что один — сыщик местный, а другой — из Бостона. Вели они себя спокойно и даже бросили в шляпу по четвертаку во время сбора. После лекции они вывели меня на улицу и предупредили, что если я скажу хотя бы одно слово против американского правительства, они меня арестуют. Они оставили меня в покое, когда я объяснил им, что моя борьба против большевицкого насилья ничуть не нарушает американских порядков. На вторую лекцию Белана в Сэнт-Луисе собралось много публики, среди которой Белан указал мне Стоклицкого, который выступил с острой критикой войны и американского капитализма. Он обещал выступить вечером в нашей организации, но когда Белан заявил ему, что он непременно будет арестован сыщиками, Стоклицкий уехал в Мексику, а оттуда в Россию. Впоследствии я прочел в Чикагской газете, что Белан был на службе в сыскном отделении.

Мы частенько писали корреспонденции в "Амер. Известия," но всегда стеснялись своей малограмотности, и на одном деловом собрании порешили подыскать учителя. Учитель после английской школы занимался русским языком с детьми, а по вечерам учил нас в Мэдисоне русской грамматике. Но школа не продолжалась долго, ибо поповский сынок, сыщик, начал преследовать учителя, и последнему, во избежание ареста, пришлось выехать из Сэнт-Луиса. А тут еще напасть: наш финансовый секретарь, он же и кассир, зашел вечером в помещение с адресной книжкой членов и всей кассой в кармане (около 200 д.), а в это время, возможно по чьему-то наущению, в помещение ворвался пьяный полицейский с револьвером в руках и, скомандовав руки вверх, забрал членскую книгу, вытащил 200 д. из кармана кассира и арестовал двух находившихся в зале товарищей, оставив кассира на свободе. По нашему настоянию товарищи были освобождены и книга возвращена, но деньги так и пропали в карманах полиции. Это произвело на членов удручающее впечатление, на собраниях начались нарекания и дрязги, что являлось признаком разложения.

Упорная организационная работа привела меня к нервному расстройству, мне необходим был отдых. Видя, как от нечаянных небольших ударов товарищи теряют мужество и веру в лучшее будущее, в мою душу тоже закралось разочарование и сомнение: стоит ли убивать себя для этих малодушных людей?.. В 1928 г. я уехал из Сэнт-Луиса и ушел от всякой организационной работы. Я вступаю уже на восьмой десяток лет и не надеюсь увидеть людей вольными и счастливыми, но верю, что будущие поколения добьются свободы, довольства и счастья для всех.

И. К.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ХРОНИКА

ДЕКЛАРАЦИЯ ПЯТОГО КОНГРЕССА ЯПОНСКОЙ АНАРХИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИ

Декабрь 1950

Могущественное влияние реакции сильнее ощущается и укрепляется по всему миру. Важные места в Японии занимаются военными базами, и производство амуниции в различных видах снова возобновляется. Барышники захватывают общественные предприятия, которые должны бы быть использованы для блага всего народа. Обычные мирные производства, мелкие торговцы и дельцы разоряются, количество безработных быстро увеличивается. Пользуясь этим обстоятельством, компартия Японии обманывает народ, уверяя публику, что она может спасти население от настоящего кризиса, в то время как, будучи верным слугой Кремля, она лишь приготовляется к объединению Японии с советским империализмом.

Японцы уже имели печальный опыт с мощью атомной бомбы и желают лишь мира. Ничто не может склонить нас к тому, чтобы мы позволили сами быть поглощенными в мировой трагедии третьей войны.

Пока государство, правительства и капитализм существуют в обществе, там не может быть довольства для народа. Этот неоспоримый факт ясно представлялся нашим товарищам, жившим до нас в прошлом столетии, и с целью уничтожения этих условий мы все еще продолжаем борьбу. Это является всеобщим убеждением большинства людей, которые свободно мыслят.

С одной стороны СССР порабощает народы под абсолютным деспотизмом государства, продолжая свою политику захвата и вторжения в чужие края, а с другой стороны США заявляют себя единственным защитником демократии, в то время как в Америке пользуются свободой только богатые классы, что очевидно из постоянных конфликтов, в которых соперниками являются рабочие против капиталистов. Эти две тенденции не только являются препятствием на пути прогресса человечества, но и возможности мира по всему свету.

Находясь между этими двумя силами, Японии угрожает ужасная участь: или быть захваченной СССР, или служить барьером в попытке остановить советское наступление. Во всяком случае, народ не может ожидать свобод, или перемен со стороны "демократий," или авторитарного коммунизма.

Смерть приближается к нам. Вот почему все большее количество людей убеждаются, что только анархизм, — который мы беспрестанно стараемся распространять, — может спасти Японию и все человечество. Наши отважные друзья, которые в каждой стране борются за реализацию нашей цели — свободного анархического общества,—с мощным чувством солидарности не преминут откликнуться на наш призыв.

Наша задача, как революционеров, это — уничтожение всех границ, разрушение капитализма, упразднение частной собственности и, как следствие, избавление от всех правительств и представителей верховной власти, от всех политиканов и капиталистов, которые сопровождают их. Наша цель — захват обществом всех природных и созданных богатств и предоставление их в ведение и распоряжение рабочих союзов и ассоциаций, свободно организованных самим народом для защиты интересов всех, таким образом заменив настоящие конституционные своды законов и парламентаризм.

Мы утверждаем, что никакая организация, ни какая-либо система не может помешать нам в установлении эры мира в Японии и по всему свету и приостановить организацию свободного общества без всякого авторитета, что является горячим желанием всех народов. Мы будем бороться до конца против всех, кто пробует остановить нас на пути, ведущему к благоденствию и прогрессу человечества.

От имени V Конгресса мы торжественно заявляем наше намерение увеличить наши усилия к достижению намеченных нами целей. **Японская Анархическая Федерация.**

T. Yamaga, F.A.J.,
36 Kitagesho-Cho,
Sakio-Ku, Kioto, Japan

К СОБЫТИЯМ В КОРЕЕ

Позиция Корейских Анархистов

Будут ли военные события в Корее, где разразилась кровавая борьба за господство между восточным и западным блоками, **началом** третьей мировой войны, еще не вполне ясно, но приготовления к ней в полном размахе.

Ниже мы приводим выдержки из доклада В. Карима, секретаря Федерации Анархистов Кореи, данного Интернациональному Анархическому Конгрессу в Париже, состоявшемуся в ноябре 1949 г. В цитируемой части доклад гласит:

"Тихо-океанская война положила конец жестокому японскому угнетению Кореи. В декабре 1945 г. Московская конференция решила дать Корее временное правительство, которое должно быть одобрено правительствами России, США, Великобритании и Китая. Но русско-американский антагонизм, а тем более оппозиционное движение корейского народа (начатое и поддержанное анархистами) расстроили эту попытку. Ряд русско-американских совещаний не разрешил этой задачи и в 1947 г. Объединенные Нации уполномочили Южную Корею выбрать автономное правительство.

"Северная Корея, управляемая правительством типа "народной республики," является сателлитом России, а в Южной Корее демократическое правительство находится в экономической и военной зависимости от США.

"Граница, разделяющая обе стороны, была окрещена "битвой 38-й параллели": каждую ночь большевицкие группы переходят в атаку, жгут, убивают и грабят.

"Такое положение дел позволяет южному правительству бомбардировать народ декретами и под видом борьбы с большевизмом — расширять свою власть.

"Несмотря на это положение зарождающейся войны и постоянной неуверенности, жизнь в Южной Корее была бесконечно лучше, чем к северу от 38 параллели. Следующие цифры говорят сами за себя: в 1944 г. население Юга составляло: 16,565,570 корейцев, 462,507 японцев и 12,648 человек других национальностей; в 1946 г. — 19,369,270 корейцев (ни японцев, ни других национальностей не было), а в 1947 г. — 21,8 млн. корейцев и никаких других национальностей.

"Причины такого быстрого прироста коренного населения между 1944 и 1947 гг. были: возвращение около ста тысяч рабочих и солдат, а более всего бегство пяти миллионов корейцев от большевицкого террора на севере.

"**Рабочее положение:** — В результате повышения цен, благодаря денежной дезорганизации, заработки очень низки и едва покрывают две-трети самых строго необходимых расходов. Согласно оффициальным цифрам, в ноябре 1946 г. было 1,050,937 безработных, но к ним необходимо добавить более десятка миллионов людей, получающих временную поддержку.

"Северная Корея — главным образом земледельческая область, хотя ее почва не особенно плодородна (22% пахотной земли). После ухода японцев, многие крупные землевладельцы, опасаясь земельных реформ, продали свои поместья, но это не произвело больших перемен, ибо земля продолжает оставаться мало поделенной.

"**Борьба корейских анархистов:** — После поражения корейской революции анархисты продолжали борьбу и перебили много лидеров японских империалистов. Сам император был атакован несколько раз нашими товарищами, которые также разрушали пути и средства вторжения и саботировали японскую эксплоатацию, организуя в то же время объединение рабочего класса.

"Полиция неоднократно истребляла наши группы и, когда какое либо действие внутри страны становилось невозможным, бойцы продолжали борьбу уходя в Китай, Манчжурию и Японию. Их жертвы были безмерны, но это возбуждало революционный пыл и желание справедливости и свободы среди оставшихся в живых.

"Японские власти, обуреваемые страхом, сделали полицейские репрессии еще более суровыми, но объятое ужасом население с великим восхищением и открытым уважением смотрело на тех, кто в таком огромном количестве умирали за общее дело. В конце концов, когда террористический режим был побежден, ОФКА возобновила открытую борьбу.

"**После войны:** — В сентябре и октябре 1945 г. большинство рабочих и крестьян присоединились к Союзу Рабочих, поддерживаемому и руководимому анархистами; но при сильной помощи СССР большевики сумели использовать Союз, как средство для достижения своих политич. целей, понизив влияние наших товарищей. Вскоре по вдохновению американцев был создан другой "союз," который занял место первого. Не падая духом, наши товарищи продолжали вести борьбу на всех фронтах.

"В мае 1946 г. наши товарищи организовали 'партию с-х рабочих,' а также движение под именем 'независимых рабочих' и совместно с ФАК создали Федерацию Рабочей Молодежи и Федерацию Студентов.

"Вот некоторые данные о влиянии анархистов в Корее: ФАК имеет 3,000 активных членов, которые посредством вышеупомянутых движений влияют на 600,000 вполне организованных корейцев. ФАК издает две ежедневных и одну еженедельную газеты, которые печатаются на собственных печатных машинах. ФАК создала университет, где рабочая молодежь может учиться по вечерам, и две школы в провинции."

В дсполнение к картине положения трудового населения в Корее приводим выдержки из доклада Давида Ли, бывшего южно-корейского министра труда:

"Многие стороны экономического положения в Южной Корее 'хаотичны' из-за обширной безработицы и наплыва 2 млн. беженцев из подвластной коммунистам Северной Кореи. Не было существенных проектов для использования сил безработных. Даже положение занятых фабричным трудом очень бедное. Корейская заработная плата главным образом основывается на цене на рис. Средняя месячная зарплата для фабричного рабочего составляет около 8,000 'вон,' а бушель риса стоит 25,000 'вон.' (Следовательно, средний заработок корейского рабочего — около 4 бушлей риса в год.)

"Технически корейские рабочие живут XIX веком. В южной Корее находится около 7,000 фабрик, на которых работает 265,000 человек. Почти 700 фабрик имеют организованные союзы с 82,000 членов, т.е. на каждых 3 членов союзов приходится 6 неорганизованных фабричных рабочих.

"Господствующим профсоюзом в Южной Корее является 'Тай Ханн' — Рабочая Федерация, организованная в 1946 г. правыми политическими группами в противовес 'Чун Пиунг,' находившейся под господством коммунистов, которая постепенно исчезла со сцены в Ю. Корее. Во всяком случае Федерация 'Тай Ханн' в сущности является в ее основе более политической, нежели экономической."

ПОЛОЖЕНИЕ В ЮГОСЛАВИИ

Для выяснения на месте условий жизни рабочих газета "Либертэр" послала представителей, которые следующим образом характеризируют положение в Югославии.

— Каждое предприятие имеет свой бюджет,—объяснил им форман фирмы Раде Кончар.—Если производительность какой-либо одной бригады падает, то и получка всей этой бригады падает. Если рабочий поломал свой инструмент, его стоимость высчитывают месячно из его получки. Если сломается машина, что считается очень серьезным явлением, немедленно создается комиссия по расследованию. Если будет доказан саботаж (а это всегда легко доказать), виновник будет рассчитан или осужден; какая бы там ни была причина поломки машины, — товарищам его бригады снижают жалованье соответственно с замедлением продукции.

Форман уточнил это следующим примером: "Видите эту машину, на ней нехватает предохранителя: виновник заплатит за нее. Это делается для того, чтобы развить сознание ответственности за машины."

Право бастовать. Мы посетили два предприятия: Раде Кончар в Загребе и Иван Лолла Рибар в Белграде. Мы заметили, что охраняются они милицией в форме, вооруженной винтовками и пулеметами. Охранники стоят у каждой двери и патрулируют внутри. Мы предполагали, что колючая проволока, окружающая фабрику, достаточна для ее охраны: оказалось, что мы ошиблись. Эта "социальная милиция" оплачивается предприятием и получает более высокое жалованье, чем рабочие, а именно: 3,000 динар, питание, квартиру и одежду.

Когда мы спросили нашего переводчика о причинах, заставляющих держать вооруженную стражу внутри мастерской, он нам ответил, сперва спросив одного из милиционеров: 'Они охраняют народное имущество." От кого?.. От капиталистов, шпионов... Это смешное утверждение не могло нас удовлетворить, т.к. эти фабрики мы посетили без особых препятствий со стороны властей. Ответ был дан нам председателем одного Хорватского профсоюза тоном, не терпящим возражений: "Наша конституция не говорит ни за, ни против забастовок, но на парктике или в действительности их нет..." Как можно думать о забастовке, когда призрак угнетения, стоящий у дверей, готов сейчас же действовать?!..

Распределение дохода. — Правительство забирает самую большую часть дохода предприятий. Оно же распределяет производимые товары и продукты и назначает их рыночные цены. Эта расценка о прибавочной стоимости, это знаменитое "социалистическое накопление," охватывает все отрасли индустрии. Большая затрата энергии идет на производство бесприбыльных (военных) товаров, что уменьшает производство предметов первой необходимости и снижает жизненный уровень рабочих. Малая часть дохода предназначается на обновление инвентаря.

Характерно, что ни правительство, ни профсоюзы не вздумали назначить какой-либо процент барыша для рабочих. Директор одного предприятия объяснил нам: "Получаемый доход дается самому лучшему производителю." Кто же этот "лучший производитель"? "Главный инженер, который получил 30,000 динар" (в десять раз больше, чем жалованье среднего рабочего!).

Налоги. — По закону от 27 июня 1950 года рабочие освобождаются от налогов, только частные капиталисты (вопреки всеобщему утверждению, в Югославии существуют частные капиталисты), богатые крестьяне, "свободные" коммерсанты и торговцы обкладываются налогами. Но этот закон является надувательством, ибо взамен принудительных налогов югославское правительство применило более вероломный метод: оно ввело "добровольные" национальные займы. Взносы на заем собираются профсоюзными чиновниками на месте работы и записываются на публичную доску. Жена секретаря одного профсоюза объяснила, что ее муж обязан был дать 2,500 динаров, ибо один рабочий дал две тысячи. Если вы случайно избежали первый сбор, то инспектор явится к вам на квартиру и скажет: "Я пришел за займом." Это исключает всякое оправдание.

Заметим, что существует минимум взносов: 1,000 динаров для взрослого и 500 — для детей. По официальным данным, Национальный Заем 1950 г. принес более 5.500 млн. дин., на 80% больше, чем предполагалось (Таюнг, 8286, 21 сент. 1950), т.е. 325 дин. с человека на 17 млн. населения, включая женщин, стариков и детей.

Рационирование. — Все производители и чиновники партии, профсоюзов, администрации и торговли имеют рационные карточки. Карточки снабжения РЗ, самая распространенная, дает право на 300 граммов

черного хлеба в день, и на месяц 2 кило мяса, 400 гр. сахара и 800 гр. сала или жира, 100 гр. кофейного суррогата и кусок мыла для стирки.

На самом деле в течение последних шести месяцев не было кофе, а мыло получалось нерегулярно. (Мы видели девушек из бригады, стирающих белье без мыла.) Масло по карточкам бывает редко, его раздавали некоторое время перед выборами. Съестные продукты выдаются кооперативами или задругами. Цены на них определяются законом. Наряду с этим ограничением, можно получить все, что угодно, на черном рынке, который целомудренно называется "свободным рынком," где цены подлежат исключительно закону спроса и предложения. Этот "свободный рынок" существует якобы для того, чтобы поглощать избыток заработка ударников и частных капиталистов-эксплуататоров. По правде говоря, мизерный паек большинства рабочих заставляет их закупать на свободном рынке.

Каждое крупное предприятие имеет свою кантину. Цены за кушание от 1,100 дин. до 1,300 в месяц, с обязательством отдачи продовольст. карточки. Блюда спартанские, типа "национальных блюд" всех коммунальных ресторанов. Вся семья рабочего имеет право столоваться там. Этот метод имеет преимущество прикрепить рабочих к предприятию.

ЦЕНЫ:

Черный хлеб 1 кило — 7 дин. или ½ часа работы.
Белый хлеб 1 кило — 9 дин. или ¾ часа работы.
Сахар 1 кило — 30-40 дин. или 2 часа работы.
Жир 1 кило — 30-40 дин. или 2 часа работы.
Мясо 1 кило — 60 дин. или 4 часа работы.
Молоко 1 литр — 5 дин. или 20 мин. работы.
Картофель 1 кило—20 дин. или 1 ч. 20 м. работы.
Масло 1 кило — 40-50 дин. или 3 часа работы.
Яйца, изюм, чернослив, вино, мыло считаются предметами роскоши, поэтому цены не указаны.

"НАРОДНАЯ МЫСЛЬ"

Наши новые друзья и товарищи в Германии начали, с января с. г., выпускать рукописный ежемесячный журнал "Народная Мысль," размножаемый на мемиографе. Вышло в свет уже четыре номера. Последний выпуск (№ 4) за март 1951 г. имеет 10 страниц текста. На титульном листе изображен "Ангел Мира" с курчавой головой в виде самолета; из его развинутого рта падают бомбы, взрывающиеся на земле и дымом застилающие небо. В № 4 помещены две большие статьи:"Третья Сила" и "Государство и Анархия" и два стихотворения: "Гроза" и "Встречным."

Желающие получать "Народную Мысль" благоволят письменно обратиться по адресу журнала:

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

НАШИ ЗАДАЧИ

Третья мировая война неизбежна. Ее дыхание уже чувствуется. Нет силы, которая смогла бы ее предотвратить, т.к. народ дезорганизован, отравлен военной пропагандой и, наконец, напуган смертельным страхом, как большевиками, с одной стороны, так и атомной бомбой — с другой. Однако здесь немцы рассуждают следующим образом: в новой войне обе стороны не смогут разрешить ни одной проблемы по улучшению бытия трудящихся. Наш русский народ ранее других народов совершил социальную революцию, но был предан большевиками; после свержения узурпаторов он не откроет объятий для частного капитализма или какого-нибудь нового государственного рабства, он будет колебаться в выборе новаго строя.

В силу этих обстоятельств я хочу остановиться на статье т. ИВА "Как быть?" Он совершенно прав, когда в качестве крайней необходимости выдвигает тезис образования "спаенной единством идеи организации, построенной на принципах анархизма, а не партийцев-властников, и вести широкую, серьезную пропаганду идей анархизма, принимая участие в социально-политических сдвигах." Я не стану перечислять его заключений, с которыми вполне согласен, но от себя добавлю, что теперь обстоятельства жизни, политическая неустойчивость всех правительств мира требует от нас большой настойчивости и умения использования момента популяризации идей анархизма. Послушайте радио-передачи "Голоса Америки," в которых они не произносят слова анархизм, но иногда говорят в его пользу. Например, в календаре исторических событий сообщали о выдающейся прогрессивной деятельности Михаила Бакунина, об его заключении в крепости, бегстве, встрече его в Америке и проводе в Европу, о том, что "всякая власть — насилие, абсолютная власть — абсолютное насилие," и ряд других характерных для анархизма выражений. Эти ссылки я привожу не для того, чтобы сказать, что господа эксплоататоры идут к социализму. С одной стороны большевизм, который под флагом социализма создал рабский строй прежних веков, а с другой — алчная буржуазия, которая начинает учитывать глухой протест народа, поэтому старается приспособиться почти к такой же лжи, как и большевицкая. Давно пущенный шар об организации международного правительства для избежания новой войны лоп-

нул, утвержденные ОН права человека и его неприкосновенности, о которых периодически говорят, нигде не осуществляются.

К несчастью и может быть к нашему стыду, мы упускаем время для популяризации идеи анархизма и объединения трудящихся. Я знаю трудности, но тем не менее настаиваю на том, чтобы "ДТП" эти актуальные вопросы письменно поставило перед товарищами, которые себя показали анархистами на деле, а не в чувствительных письмах. Среди них попадаются слабые духом, которые остаток жизни предпочитают отдать покою. Это их дело. Мы будем им благодарны даже за то, что они не хулят анархизм. Но есть молодые энергичные личности, для них мы и пишем.

В данный момент крайне необходимо выпускать "ДТП" чаще, побуждать наших товарищей путем частных писем создавать все средства пропаганды наших идей. Организовываться в группы и держать связь с товарищами с целью моральной поддержки. В нашей зоне, вероятно, есть наши деловые единомышленники, но между нами нет связи. Поэтому связывайте нас не с товарищами, которые хотят от анархизма материальной помощи, а с такими, которые желают помочь идее анархизма хотя бы популяризацией ее.

Я хочу также затронуть серьезный вопрос: раз война неизбежна и в самое кратчайшее время, значит, стоит сказать о враге первом — большевизме; участия в войне на стороне правительств, войну ведущих не с целью освобождения народов российских, а с целью соперничества, мы будем избегать до тех пор, пока сам народ не будет вести борьбу со своим настоящим правительством. Я убежден, что в этой войне советская армия при первой же неудаче обязательно воткнет штыки в землю, а раз это так, мы будем всемерно стоять за необходимость направления этих штыков в сторону свержения большевистской диктатуры и лично будем принимать участие в этом массовом свержении большевизма. Таким образом будет углублена социальная революция для торжества Свободы, Равенства и Братства, которые возможны только при безвластии.

Илья Петрович

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Ввиду продолжающих поступать запросов, сообщаем, что Николай Матвийчук не имеет ничего общего ни с журналом "ДТП," ни с нашими организациями. — **Ред. Коллегия.**

Памяти Г. П. Максимова

Дорогие товарищи "делотрудовцы"! Прошел год, как безжалостная смерть унесла от нас нашего незабвенного товарища Максимова. Зрительная память вызывает его образ и сердце ежимается от боли.

На протяжении ряда лет Максимов читал лекции в Детройте и всякий раз останавливался у нас. От его присутствия в доме становилось светлее, торжественнее, а на душе — радостнее: собирались товарищи, велись беседы, которые затягивались за полночь, и духовно мы возвышались над буднями. От всего этого несло задушевной теплотой. Увы! все кануло в вечность: умер мой муж, я осталась вдовой, жизнь стала нудной, но жить нужно.

Смерть — закон природы: кто родился, тот должен умереть. Все это так, но сердце не мирится, когда умирает близкий человек. Максимов умер физически, но духовно он остался жить в написанных им книгах. Эти книги во что бы то ни стало нужно издать. Некоторые товарищи внесли щедрые пожертвования в Фонд издания трудов Максимова. Я... чем богата, тем и рада: жертвую 10 д. на это благородное дело и верю, что и другие товарищи уделят толику от трудов своих в Фонд издания трудов Максимова. Пусть Максимов продолжает духовно жить с нами в своих книгах. **Соня Зубрина**

***

Из ЧЕСТЕРА, Пеннсильвания, на издание книги Максимова поступили пожертвования от следующих лиц: В. Басистый — 3 д., Д. Веремейчук и Т. Мисюрский — по 1 д., итого — 5 д.

Иван Бойчук

В городе Филадельфии на 63 году жизни скончался 10 мая 1951 г. Иван Бойчук, родившийся в местечке Лабуня, Заславского уезда, Волынской губ. Покойный приехал в Америку в 1907 г., а в 1917 г. он примкнул к Союзу Русских Рабочих. После палмеровских погромов было организовано "Прогрессивное Землячество," в котором покойный состоял членом. Он был очень начитанным человеком и по своим убеждениям принадлежал к безвластному движению, которое он всячески поддерживал и защищал. Тело И. Бойчука было предано кремации. Мир праху твоему, дорогой товарищ.

Земляк **Я. Т.**

ГОЛОС НЕВОЗВРАЩЕНЦЕВ

"У своих"

Первая встреча

— Может, пан поест козлятки? — спросила меня хозяйка, пани Влачек, устанавливая на столе тарелки с жарким из молодого козленка. — Я слышала, что завтра придут ваши, русские. Вы, должно быть, очень счастливы: скоро будете дома! Ах, как я рада, что война кончилась и все снова пойдет по-хорошему!

Я прожил у Влачеков больше месяца, скрываясь от немецкой полиции после побега из лагеря для военнопленных. Отсиживался на сеновале, на чердаке, куда мне приносили завтрак и обед, а поздно вечером спускался в комнату и беседовал с хозяевами и их сыном. Влачек — сапожник. Целые дни он сидел перед окном в своем углу, заваленном обрезками кожи, худыми сапогами. Сын служил в конторе лесничества. Оба всей душой ненавидели немцев. Оба начитались советской пропагандной литературы, обильно поступавшей через чехословацкую компартию и партизанские отряды. Мечтали о справедливой жизни, которая, конечно, установится сразу после прихода советской армии.

Хотя в стране хозяйничали немцы, семья жила хорошо и мне трудно было понять, каких улучшений ждут Влачеки. В долгие вечера они расспрашивали меня о жизни русского народа. Сын, имеющий дело с бухгалтерией, брал бумагу и просил меня сообщить точные цифры. Я говорил о заработках рабочего, о ценах на продукты и товары. Влачеки подсчитывали и непонимающе переглядывались: мои данные слишком резко расходились с доводами пропагандной литературы. Не мог понять сапожник и того, почему в СССР нельзя иметь собственную мастерскую, частную лавку. Удивлялись, почему мало велосипедов у советских людей; у них стояли три велосипеда, на каждого члена семьи по одному. Не могли представить, как я, советский спец, обходился без радио аппарата. А когда я сообщил, что у меня в СССР было два костюма — рабочий и выходной, — они просто не поверили. У их сына, простого счетовода лесничества, было четыре костюма!

— Возможно, возможно, — говорил хозяин, — у Советского Союза так много людей, но индустрия еще недостаточна. После этой войны вы будете жить, как в сказке!

— Разные есть сказки, — отвечал я: — у Пушкина есть сказка о царе Салтане и сказка о разбитом корыте...

Они меня не поняли. Я не старался разбить их иллюзии относительно чудесной советской жизни; было не до того, да и у самого у меня сознание двоилось: с одной стороны советская пропаганда грубо лгала о западе, о жизни его людей, но с другой стороны за моей спиной оставались три года немецкого плена. Последний аргумент был в пользу советов. Я хотел возвратиться домой и тоже нетерпеливо ждал прихода советской армии.

Стояла чудесная весна 1945 года. В садах цвели вишни, леса зеленели яркой молодой листвой, трава рвалась к солнцу сочными побегами, в воздухе звенели победной весенней песней жаворонки. Нигде не гремели больше залпы орудий, не дрожало небо от рева моторов. Только вдали раздавались одиночные выстрелы: это американские солдаты прочесывали леса в поисках укрывающихся эс-эсовцев.

После долгого сидения на чердаке и сеновале я получил свободу и с наслаждением бродил по лугам и дорогам, чувствуя каждой жилкой долгожданное освобождение, когда не нужно бояться ни полицейских, ни лагеря, ни голода. Американские патрули на дорогах иногда останавливали меня, но узнав, что я "рошен" и "призонер оф вор," говорили "о-кей" и угощали папиросами, жевательной резинкой и шоколадом. По договору союзников американская армия отходила из Чехословакии и оставляла территорию красной армии. Советские части были уже недалеко.

С одним патрульным, американским поляком, я несколько раз встречался у перекрестка двух больших дорог. Я — по-русски, он — по-польски: беседовали мы о новостях, об оставленной родине, о долгожданном окончании войны, о раненых на фронте. В этот раз я тоже был у перекрестка и беседовал с Янеком, потягивая душистую сигарету. Янек изредка останавливал редких пешеходов и велосипедистов, казавшихся ему подозрительными, проверял бумаги и снова садился на каменную тумбу. Однажды около нас остановился джип и американский военный, сидевший за рулем, подозвал Янека. Тот не торопясь подошел к машине, небрежно козырнул, поставил ногу на крыло джипа, начал разговор, продолжая жевать резинку. Разговор закончился, военный дал газ, козырнул солдату. Янек тоже козырнул и возвратился к своему сидению.

— То генерал был, — небрежно бросил он, продолжая жвачку.

— Генерал? Как же ты с ним так разговаривал?

— А как розговаривал? — не понял Янек.

— Ну, так... ногу на машину, сам жуешь... Как с солдатом. Перед генералом, надо на вытяжку, руки по швам. А ты жуешь, руками размахиваешь...

Солдат засмеялся, но видимо не мог понять моего возмущения нарушением субординации.

На этом же перекрестке произошла моя первая встреча с представителем моей — советской! — армии. Однажды здесь остановился прекрасный голубой атвомобиль. Стекла и лак горели на солнце. Дверца отворилась и я увидел дородного, упитанного, советского офицера. Прекрасный костюм, грудь в орденах, широченные погоны с золотыми звездами. Слишком яркий околыш фуражки не оставлял сомнения в том, к какому роду войск принадлежит генерал. Он принял меня за чеха и спросил дорогу к ближней станции.

— Прямо, товарищ генерал! — ответил я, подтягиваясь по-военному.

— Вы... э... русский? — спросил офицер.

— Да, товарищ генерал. Был в плену.

Стальные глаза медленно и тяжело оглядали мою фигуру с ног до головы.

— Какой армии?

—Я ответил.

— Когда и где в плен попал? В каком лагере был?

Ответил и на эти вопросы. Генерал продолжал упорно и тяжело осматривать меня. Не знаю, почему мне стало вдруг душно и сумрачно под этим взглядом. Вместо радости первой встречи с родным русским человеком я почувствовал оскорбление, кровь бросилась в лицо, как будто получил пощечину. Я продолжал стоять на вытяжку, а генерал холодно и тяжело ощупывал взглядом мои старые

ботинки, заплатанные рабочие брюки и синюю тужурку — дар Влачеков взамен перекрашенной немецкой униформы, которую я носил в плену. Чтобы снять тяжесть этого стального взгляда, я улыбнулся сухими губами:

— Товарищ генерал, нет ли у вас нашей русской папиросы? — спросил я.

Генерал секунду продолжал смотреть на меня, потом сквозь зубы злобно бросил:

— Я бы тебе дал... папиросу, если бы не тот...— он непечатно выругался и кивнул головой на Янека, с любопытством наблюдающего сцену встречи земляков. И вдруг, не сдерживаясь, заорал:

— Что болтаешься здесь? Знаешь где твое место? Немедленно марш в лагерь и носа никуда не показывай! Гулять надумали! Мы вам погуляем!.. В плену торчали, когда надо было родину защищать!.. Понял? немедленно марш в лагерь! Понял?..

— Есть, товарищ генерал! — ответил я, чувствуя, как бледнею, как кровь отливает от сердца.

--Поезжай! — бросил генерал шоферу и захлопнул блеснувшую солнечном блеском дверцу.

Машина неслышно тронулась и, сияя, умчалась вдаль. А я продолжал стоять "смирно" и слушал тревожные удары сердца. Сразу для меня померкло солнце и весна перестала кадить благоуханиями цветущих садов и трав.

— Кто то был? — спросил подходя Янек.

—Генерал... Русский генерал, — ответил я.

— А чего он кричал?

— Велел в лагерь итти, здесь не болтаться...

—Ну, ну... — процедил только Янек, доставая пачку сигарет и угощая меня. — А добрую форму имеет!..

...Вечером я рассказал Влачекам, что видел русского генерала, говорил с ним. Умолчал лишь о том, как меня генерал встретил.

— Вот-то радость! Как это должно быть приятно увидать родного человека! — всплескивала руками пани Влачек и в глазах ее стояли теплые слезы сочувствия.

Цена патрона

Холодный генеральский душ немного охладил мой патриотический пыл. Я поневоле призадумался о своей судьбе. Если уж теперь, в первые дни праздника победы, на нас так покрикивают, то что же ждать в дальнейшем? Я слышал по радио призывы Москвы: "Родина вас ждет, родина вас прощает!" Прощает? А какое преступление совершил я и сотни тысяч других, полоненых фашистами? Значит, попасть в плен или быть вывезенным насильно на работу — преступление? А если преступление, то будет и расплата. Обещаниям советской власти "простить" я не верил. Все годы подсоветской жизни были полны обещаниями, но ни одно из них не было исполнено. Обещали "счастливую и радостную жизнь"? Обещали. Обещали "невиданное в мире изобилие"? Обещали. Обещали свободу слова, печати, собраний, совести? Все обещали, но ни счастья и радости, ни изобилия, ни свобод никто не видал. Как же верить новым обещаниям? "Единажды солгавши кто тебе поверит."

Но что же делать? Бежать, но куда? Без документов, без средств, без знания языков, — везде на тебя будут смотреть подозрительно. Передадут советским властям, а тогда уже будет поздно. "Зачем бежал? Вину за собой чуешь? Нет, не уйдешь отсуда!"

Нет, нет! И впрямь надо итти в лагерь, ждать отправки на родину. Другого пути нет.

Вспомнились недавние тяжкие дни плена. Голод, холод, тысячи смертей, рабский труд, побои... И в том же лагере англичане, американцы, французы, поляки, сербы, — все получают посылки Красного креста, все сыты, обуты, одеты, получают письма и посылки из дому. Только мы, — советские, — ничего не получаем, ничего не знаем о судьбе близких. "Советский Союз не подписал конвенции Красного креста." Почему не подписал? О чем думал "великий вождь"? Небольшая посылка Красного креста могла бы спасти жизни сотням тысяч пленных, погибших от голода. Кто виноват в их смерти? Немцы? Безусловно, они виноваты. Но ведь французы или англичане от голода не погибали, хотя немцы для них такие же враги. Стало-быть, виновато советское правительство, а возглавляет его Сталин. Не он ли виноват? Так почему же нас, случайно не умерших от голода по вине Сталина, пережививших муки фашистской неволи, обвиняют в каком-то преступлении?..

Много, много таких мыслей роилось тогда в голове. Ответа получить было негде. Может быть придут свои и объяснят-

...И вот "свои" пришли. Потянулись подводы, поднимая пыль. Пропотевшие гимнастерки солдат, вещевые мешки, свернутые шинели, фураж для коней, походные кухни... Сначала мы увидели американскую армию: машины, машины, машины. А тут — скрипучие подводы, выгоревшие гимнастерки, ботинки с обмотками... Контраст резкий. Но что же? Так было и четыре года назад.

Пани Влачек, выбежавшая из кухни посмотреть на армию освободителей, немного опешила и прикусила палец зубами: не так она представляла советскую армию!

Вскоре задымили кухни. Солдаты умылись, стряхнули пыль и пошли бродить по лугам. У каждого за плечами автомат, винтовки только у стариков из обоза.

В маленькой речке, огибавшей луг, обнаружили рыбу и началась стрельба. Десятки солдат, сопровождаемые чешскими ребятишками, охотниками до всяких приключений, бродили по берегу и стреляли в воду. Убитую рыбу ребятишки с торжественным криком вылавливали из речки и подносили солдатам.

Это для меня было ново. Я помнил первый год войны, когда постоянно нехватало оружия и патронов. С одной-двумя обоймами солдат посылали в бой и наказывали: "Бить только наверняка! Каждая пуля — в сердце врагу. Не забывайте, что каждый патрон стоит 9 копеек народных денег!" И люди шли в бой, экономили патроны и умирали под метелью немецких пуль: патронов не жалели!

Я подошел к одному из солдат, молодому курносому парню, увлекшемуся охотой, и спросил его, почему патроны на рыбу расходует.

— Этого добра хватает! — ответил он, не поднимая головы. Потом быстро повернулся:

— А ты что, русский?

— Да, русский.

— Что тут делаешь?

— Жду отправки домой. Я в плену был.

И снова в глазах курносого парня я приметил холодную искорку.

— Эй, Макаров, Степин! — закричал он своим спутникам. — Иди сюда, здесь русак один, из тех...

знаете?..

Двое солдат подошли на зов. Начали расспрашивать. Я рассказал о себе, о плене. Слушали холодно, настороженно, поглядывая друг на друга.

— А вы откуда? — спросил и я.

— А оттуда, откуда все человеки... — ответил один. Солдаты нехорошо засмеялись.

— В 41 году у нас патронов мало было, — продолжал я, как бы не заметив ехидной шутки. — Теперь, значит, хватает?

— Хватает... — нехотя протянул курносый. — Хватит и на вашего брата... по одной пульке, и сыт будешь!..

— Таких много уж накормили!..

Все трое разом повернулись и пошли вдоль берега. Вскоре я услышал взрыв смеха.

...Так, так! Снова теплый привет от матери-родины! И генерал, и солдаты передали земной поклон от далеких родных просторов. "Родина вас ждет!" Для чего ждет? Может быть солдаты точно сказали: для того, чтобы за муки войны и плена угостить пулей, государственная цена которой по довоенному тарифу равнялась девяти копейкам? Девять копеек пуля, девять копеек — жизнь.

— "Таких много уже накормили!"

Должен и я быть в их числе?

Утром я распростился с Влачеками.

— Куда же вы теперь? — спросила хозяйка.

— В лагерь.

— Оставайтесь еще! Поедете вместе с армией, когда она отходить будет!

— Долго ждать, пани Влачек!

—Понимаю, понимаю! Хочется скорее до дому, родных повидать, в спокое пожить... Ну, до свидания! Пишите, а то и приезжайте!

— Спасибо! Постараюсь, если жив буду...

— Ай, ай! "Жив буду!" Да теперь только и жить-то!..

...Добрые Влачеки! Как-то теперь вы живете?..

Денщики

На станции Непомуки я ожидал поезда на Пильзен. Железнодорожники сообщили, что поезд подадут только через пять часов. От нечего делать я бродил по станции и в тупике набрел на группу солдат, приготовлявших на костре обед. Солдат было трое: двое молодых и один лет под пятьдесят, с висячими сивыми усами, загоревшей морщинистой кожей и маленькими острыми глазами, прятавшимися под навесом густых бровей. Я подошел поближе и поздоровался. Ответили сдержанно.

— Э, да вы, я вижу, по барски живете! — пошутил я, заметив, что солдаты готовят. На углях костра шипели две сковороды: в одной плавали в масле котлеты, в другой румянился блин. В тарелке, стоявшей сбоку, была наложена стопка уже готовых блинов. В котле что-то кипело, видимо суп. От импровизированной кухни вкусно пахло мясом, поджаренным луком, горящим маслом.

Солдаты не ответили. Старик начал шуровать огонь.

—Погодь, погодь. — сердито крикнул молодой и схватил сковороду. — Блины сажей засыплешь!

— С поганого не треснешь, с чистого не воскреснешь, — миролюбиво отозвался старик. — Съедят и так! Черное на белом колер дает... А вы отколь сами будете? — обратился он ко мне.

Я сказал. Солдаты переглянулись. Один из молодых, опасливо покосившись на стоявший в тупике спальный вагон, недружелюбно заметил:

— Вы лучше ступайте своей дорогой. Нам с вами разговаривать не велено!

— Почему? — удивился я.

— А ты вот что, дорогой, — засуетился старик, — ступай вон к тому вагону, — видишь? — стоит за будкой? — и там почекай. Я к тебе зараз приду, скажу что-нибудь. А вы, ребята, как мой подойдет, — свисните.

— Ладно, свиснем...

Я пошел к вагону, на который мне указали. Старик побежал к спальному вагону. Через несколько минут он подошел ко мне и коротко приказал:

— Залазь в вагон!

Озираясь на все стороны, старик забрался ко мне и протянул завернутый в "Правду" пакет.

— Тут тебе хлебца немного, банка мяса и папиросы. Видать, есть хочешь. А нам, верно, с вами говорить заказано. Кто в плену был, или у немцев работал, с теми запрещено разговоры заводить! А мы, знаешь, связные, денщики по-просту. Тут в вагоне живем и начальникам служим, для них и обед варим. Полковник тут, майор и подполковник. Только он не подполковник, а комиссар... Те двое — молодые, боятся, а я — что мне? Сам знаю жизнь, сам шесть годков в лагере сидел... Только в войну и выпустили, а то бы еще четыре года горевал. А тебе скажу одно: видел я, как таких, как ты, встречают. Запрут в лагерь, часовых поставят и начнут на допросы водить. Многих уж побили, многих под конвоем увезли. А домой не пускают. Говорят, что вы — изменники. А уж если изменник, сам знаешь, как рассудят! Правду говорю! Пока тут американцы, — ничего, не трогают,а как сами хозяева станут, тогда скоро тебя заберут. Смотри сам, что делать... Потому говорю, что людей жалко! Подавайся с американами, может устроишь жизнь, а что дома ждет, того ни ты, ни я не знаем. Я вот старик, а если бы не семья там, все эти тундры-мундры скинул бы и бегом побежал другую жизнь искать! Да нельзя: семья осталась, может скоро и домой отпустят. А твои годы молодые: куда хотел — туда летел!..

От костра послышался свист.

— Ну, вот сказал тебе. Можешь — понимай! — заторопился старик. — Мой товарищ начальник идет, кормить-поить надо. Прощай, не забудь, что сказал!..

Старик пожал мне руку и выпрынул из вагона. Издали я наблюдал, как к костру подошли два советских офицера. Денщики засуетились и понесли сковороды и тарелки к спальному вагону.

Перочинным ножом я откупорил консервную банку и пристроился на обед в углу вагона. Съел хлеб и мясо, не заметив вкуса, закурил немецкую сигарету и растянулся на куче стружек. На сердце было спокойно и легко, как будто не было тяжелых минут раздумья, душевной раздвоенности, сомнений и колебаний. Старик словно камень снял. "Можешь — понимай!" — сказал он мне. Могу, понимаю, —ответил я. Стало быть, — родина, прощай!..

Под вечер поезд завез меня на разбитый бомбардировкой пильзенский вокзал. По улицам города сновали американские джипы и грузовые автомобили, толпились принаряженные чехи. Среди толпы встретил "остовцев." Пошел с ними в лагерь, переночевал, а утром направился на запад, к немецкой границе, от которой два месяца назад бежал к "своим." Теперь бежал от "своих."

Г. К.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

СИДНЕЙ, Австралия. — Я особенно заинтересован журналом "ДТП," который освещает современные события с точки зрения справедливости и независимо от государственного эгоизма. К сожалению, журнал выходит очень редко.

Наши эмигранты, которых здесь величают "новыми австралийцами," живут в лагерях и представляют собою смесь всех народностей Европы, каждая из которых смотрит на других с чувством глупого превосходства. Лагеря эти укомплектованы рабочей скотинкой, т.е. холостяками и женатыми, жены которых и дети поселены в специальных лагерях для нетрудоспособных, зачастую находящихся в десятках миль расстояния. Главы разделенных семейств часто не в состоянии заработать на содержание жен с детьми, находящимися где-то, и самих себя. В некоторых случаях бездетные супруги размещены в других специальных лагерях вместе и оба работают, согласно 2-летнему контракту. Но, как правило, с появлением ребенка — их разлучают.

Лагеря состоят из бараков (железных "полубочек") и палаток. Лагерями управляют правительственные "боссы" — диктаторы, набивающие деньгами свои карманы. Отношение к эмигрантам чиновников из "эмплоймент оффисов" — самое бездушное, бюрократическое. По условию контракта каждый новый эмигрант обязан работать два года там, где прикажет правительственный чиновник. В связи с переменой места жительства одному эмигранту пришлось переменить и работу. Это очень не понравилось "эмплоймент-боссу," который взбесился, стал кричать и грозить ему высылкой из Австралии только за то, что он, не испросив у него разрешения, позволил себе бросить работу по такому ничтожному поводу, как перемена места жительства...

Отношение австралийцев к эмигрантам разнообразное: в одних местах австралийские рабочие относятся к новоприбывших весьма недружелюбно, порой — враждебно и доходит иногда до избиения ими эмигрантов за плохую работу, которая в таких случаях бывает самая тяжелая, но в других местах — отношение человеческое, хорошее.

Жилищные условия здесь очень плохие. Сплошь и рядом местные газеты публикуют случаи проживания людей, выброшенных из квартир, в трамвайных будках (для ожидания) и в парках под палатками. По этой причине большинство эмигрантов вынуждено оставаться в лагерях, а пребывание в лагерях влечет другую кару: они не смеют переменить работу даже по истечении 2-летнего контракта, если они не сменять лагерь на частную квартиру, которую для рабочего очень и очень трудно достать. Только счастливцам удается найти комнату за чрезмерно высокую плату. Можно, конечно, купить дом (дома здесь продаются в бесчиленном количестве, но по баснословным ценам) за 3-4 тысячи фунтов — нижесреднего качества, но такие дома не свободны от жильцов. Многие дельцы из наших эмигрантов берут свободные дома на выплату, пускают к себе на квартиру таких же, как сами, и пользуясь тем, что людям негде жить, дерут с них высокую ренту. Таким образом, чужими деньгами они выплачивают стоимость дома.

Новый Эмигрант

***

Присланные нам вырезки из австралийской газеты "Дэйли Телеграф" свидетельствуют о возникших было трениях между властями и эмигрантами. Австралийское правительство, поселившее законтрактованных в Европе эмигрантов в лагерь Брэдфильд Парк, возле Сиднея, решило предоставить его британцам — эмигрантам из Англии,находившимся на пути в Австралию, а поляков, литовцев, русских, болгар, немцев, чехов, югославов и т. д. переселить в другие лагеря. Об этом оно оповестило лагерников и назначило субботу, 3 марта 1951 г., днем переезда их в новые лагеря и последним днем пребывания их в Брэдфильде. Повидимому, это распоряжение вызвало взрыв негодования среди эмигрантов, категорически отказавшихся переехать в назначенный срок на новые места.

Из отчета репортера газеты "ДТ" от 28 февраля видно, что "новые австралийцы" прерывали и высмеивали речь г. Марша, чиновника министерства труда и национальной службы, передавшего им приказ министра иммиграции г. Холта и заявившего, что после 3 марта доступ и лагерь Брэдфильд Парк будет закрыт для всех его 450 обитателей. На это заявление последовал решительный протест. Одна из эмигранток сказала, что положение в Воллгров (лагерь для замужных женщин с детьми) — ужасное. Другая добавила, что ее проживание с четырьмя детьми в Воллгрове, а ее мужа — в Вилласуд (лагерь для мужей) заберет весь его недельный заработок в 10 фунтов, и они не смогут нанять себе частную квартиру. Эти заявления были встречены бурными аплодисментами и возгласами одобрения. Очевидно слишком уж наболело на душе эмигрантов.

Следующий отчет передавал, что в знак протеста "новые австралийцы" решили объявить голодную забастовку; среди них пятеро получили университетское образование в Европе. Польский журналист, работающий ныне на консервной фабрике и спрошенный репортером, что случится, если правительство отрежет подачу воды и элекричества, ответил:

— Такие меры могут применять лишь коммунистические или наци-фашистские правительства. Мы отказываемся переходить в другие лагеря только потому, что мы не можем терпеть издевательства. Мы убежали от большевиков и нацистов потому, что они унижали нас.

В субботнем отчете газета сообщила, что на митинге в пятницу вечером 300 лагерников единогласно решили устроить баррикады у своих хат и сопротивляться выселению. В следующем отчете сообщалось, что правительственные агенты забрали из хат и унесли на склад кровати, столы, стулья, комоды, занавески и прочую домашнюю рухлядь, закрыли кухни, отрезали электричество и водоснабжение, а другие заявляли, что их вещи выбрасывали из ящиков на пол. Последнее подтверждали напечатанные в газете фотоснимки. Матери заливались слезами, укладывая детей спать на полу. Все жаловались, что правительство разбивает их семьи.

Борьба была неравной: лагерники сопротивлялись еще несколько дней, обратились в суд и к премьеру Мензису, а правительство грозило им карами и депортацией. К концу недели сопротивление было сломлено. Суд стал на сторону правительства, и 250 лагерников согласились переехать в новые лагери, а около 50 начали искать для себя частные квартиры. 10 марта прямая борьба прекратилась. Так закончился эпизод из дипийской драмы в Австралии.

ПАРИЖ, Франция. — Дорогие товарищи, получила № 35 "ДТП." Сердечное товарищеское спасибо. Поздравляю, что, преодолевая все затруднения, издаете номер за номером.

Забастовка метро и автобусов продолжается, поэтому нет возможности выходить на работу. Накинулась на "ДТП" и сейчас же его прочла. Как всегда, в новом номере много интересного. Достойно похвалы, что редакция поместила две старых статьи о Кропоткине, которые не могли устареть. Время многое стирает в памяти, поэтому очень полезно давать подобные перепечатки. Статья Лебедева лишний раз напомнила, что задача анархиста в созидании. Атабекьян опровергает второй аргумент противников анархизма в неосуществимости его идей. Статья Липоткина как бы дополняет предыдущие две статьи, давая краткое резюме учения П. А. Кропоткина. Цитаты из Кропоткина и Л. Н. Толстого говорят убедительно о корне зла. Очень хорошо, что мысли этих двух светочей человечества помещены в юбилейном номере. Кропоткин безмерно ценил Толстого. То, что в номере дана не только статья Атабекьяна, но и воспоминания Жемчужникова о последних днях Атабекьяна, очень хорошо, уместно.

Из "военных" статей самое сильное впечатление на меня произвели две: "Во что обходятся войны" и "Великодушный жест Сталина." Автор последней хорошо знает цену "гуманным" начинаниям Сталина и его на мякине не проведешь. Другие статьи тоже интересны. Прав автор одной из них, что война научает массы ненависти. Пермяк классически правильно охарактеризовал наше время, как "казарменно-лагерный век."

В корреспонденциях из Германии с прискорбием читала, какие глубокие корни запущены гитлеризмом среди масс, а повоенные трудности еще более озлобили людей. Меня поражает, что авторы писем из Германии умеют лишь огульно осуждать немцев. Неужели они не нашли ни одного светлого проблеска, ни одного светлого ума, ни одного доброго сердца, ни одного борца за правду?

События, описанные в "Долине Смерти," потрясающие. Они свидетельствуют о бездушьи политиканов всех мастей и о том, что для государства человек — не человек, а бездушная вещь, государственная собственность. Боюсь, что такая политика вселит не только здоровую ненависть против угнетателей, но и против народов Запада. Это уже большое несчастье. **А.Ш.**

МЮНХЕН, Германия. — Мы получили № 35 "ДТП." Этот номер в целом хорош. Злободневные статьи Колокольцева и Пермяка актуальны и убедительны. Воспоминания Власенко вызвали слезы у некоторых читателей. Говорю без преувеличения, что люди, которые в силу своего невежества, были против анархизма, читая журнал и анархическую литературу, высказываются в пользу безвластия. Есть еще сочувствующие, но они боятся рисковать. Большинство из них сидит на чемоданах и ждет отправки в Америку. Из этого следует, что чем шире мы будет распространять идею безвластия среди трудящихся масс, тем больше мы расширим в народе правильное представление об анархизме.

Живем мы по лагерям разбросано, ни один не имеет изолированной квартиры, нет возможности собраться для бесед. Все делается на ходу. Прогрессивная молодежь, ищущая справедливости, в большинстве подпадает под влияние государственников, лидеры которых обрабатывают ее для властнических целей. Среди наших единомышленников много изолированности из-за разных причин, мало товарищей, способных создавать группы, проводить беседы и развлечения, а главное — воспитывать и развивать молодежь в духе безвластия. Однако, как бы ни были трудны условия, будем делать все возможное, чтобы внедрить в массы трудящихся идею анархизма. **С. И. П.**

НЬЮ УЛЬМ, Германия. — Шлю вам благодарность за то, что вы не забываете нас. Получив № 35 журнала "ДТП," я в первую очередь раздал 5 экземпляров тем, которые интересуются, а по прочтении посылаю в другие лагеря знакомым. Журналом интересуются многие, они благодарят меня за духовную пищу, а я благодарю всех сотрудников "ДТП."

В Германии много безработных, есть инвалиды и старики, которым читать хочется и русскую книгу, и журналы, и газеты, но нет средств на их покупку. Вот почему мы особенно благодарны редакции "ДТП" за бесплатную высылку нам журнала, за вашу поддержку духовной пищей. **М. У—сов**

ДАХАУ, Германия. — Разрешите поблагодарить вас за присылку журнала "ДТП," который прочитывается с глубоким интересом. Ввиду особого интереса № 35 прочитал дважды, а затем передал друзьям. Желательно получать журнал и в дальнейшем и кое-что из литературы, если возможно, но откровенно говорю, что платить у меня нечем. Был безработный, а сейчас болен. **А. В—цкий**

АУЭРБАХ, Германия. — Искренно благодарю вас за журнал, который получил и распространил в лагере и окрестностях среди русских. Очень рады услышать правду о равенстве и братстве, которых не найдешь в буржуазной прессе. Несколько человек просило снабжать их журналом и в будущем, если получу. Жизнь наша тяжелая. В лагере 400 человек, из них только три русских семьи. Все семьи разных национальностей получают пособия от своих соотечественников, а мы, русские, ни от кого ничего не получаем. **В. И. Д.**

* * *

Положение больных ДП в английской зоне Германии ухудшается вследствие ряда политических обстоятельств. Поэтому немецкая администрация вытесняет из больниц легочно-больных ДП и направляет их в городок Гейлигенхавен в здание бывшей больницы для сумашедших. Корпуса расположены на берегу моря, помещение сырое, с маленькими окнами, через которые солнечные лучи совершенно не проникают. Оно совсем не приспоблено для туберкулезных: отсутствуют операционные залы и инструменты. Медицинской помощи не видно вообще. Отправлять сюда туберкулезных это сознательно посылать их на вымирание. Есть официальное распоряжение английского военного управления, что и наша больница передается немцам и что мы должны перейти в этот же сумашедший дом Гейлихенхавена.

Невольно приходит мысль: лучшие ученые всего света, т.е. передовые слои современного человечества, слишком много думают и работают в первоклассных усовершенствованных лабораториях и научно-исследовательских институтах над проблемами массового истребления людей. Милиардные средства затрачиваются на изыскание новых ядов, более сильных отравляющих веществ, новых типов бак-

терий и новой смертоносной энергии. И все это только для того, чтобы, как можно больше, убить людей. И совершенно мало делается для поднятия жизненного уровня человека, для повышения его насущных элементарных потребностей. Люди изнывают под бременем неправды и беззакония. Зло торжествует. Только зло. А ведь истинное счастье, высшее благо есть добро, которое рождается исключительно любовью. **А. М.**

Уважаемые друзья! Сердечное спасибо вашей редакции за присланные журналы. Журналы читаются всеми: и монархистами, и баптистами, и украинцами. Сообщаю вам несколько отзывов читателей:

Первый: Старый русский эмигрант, офицер царской армии:

"Да, идея их не нова и, конечно, хороша, но ведь люди еще не подготовлены к восприятию её. Мне лично хотелось бы знать, как все это можно было бы практически осуществить... Мне очень не нравится, что они ругают всех и вся. Ругать можно только большевиков, они заслуживают, но в западных демократических странах все же кое-какие свободы есть. Но журнал, если будет возможно давать мне читать, то пожалуста. Мне все же интересно и благодарите их за журнал."

Второй читатель — лагерный доктор:

"Мне они очень нравятся за то, что они ни перед кем не заискавают, а правду чешут прямо в глаза. Это редкость в наше время. Еслибы все так делали, то наверное не было бы лагерей ДП. Кроме этого, у них поразительная осведомленность в европейских событиях, в частности о Советском Союзе. Прошу Вас, если получите журнал, не забудьте меня и благодарите их."

Третий читатель — крестьянин-баптист:

"Мне журналы очень нравятся, ибо в них описывается все правдиво там, где они не затрагивают вопроса о Боге; но мне очень не нравится, что они отрицают Бога и приравнивают человека к животным."

Монархисты, конечно, ругают, что анархисты помогли большевикам свергнуть царя, а теперь вот мы и имеем плоды. А в общем, кому нравится и не нравится журнал, а читают его с охотой. **К.**

МОРАНЖ, Франция. — Я живо интересовался вашей литературой еще со времени моего пребывания на родине, где она была строго запрещена цензурой и было очень трудно достать, интересуюсь и теперь и прошу выслать мне несколько экземпляров журнала "ДТП," за что буду весьма благодарен. **К. Николай**

СЭНТ-ВААСТ, Бельгия. — Вчера имел большое счастье получить от вас очередной номер журнала "ДТП." Разрешите мне от чистого сердца поблагодарить вас за вашу заботу, дружеское внимание и духовную поддержку. Многие из моих друзей, читающие ваш журнал, спрашивают меня, когда же будет получен следующий номер. Увы! ваши средства не позволяют выпускать журнал ежемесячно. Теперь я могу опять порадовать моих друзей и вручить им журнал правдивой и свободной мысли. Надеюсь, труды Максимова будут скоро вами изданы, и вы пришлете его книгу и нам для ознакомления.

Несколько слов о нашей жизни в Бельгии. Она очень плачевна. Несмотря на то, что русских здесь много, но сплоченности между ними — никакой. Существуют, конечно, разные организации и комимтеты, но все они беспощадно ссорятся, печатно и устно клевещут друг на друга и распределяют министерские портфели на случай гибели большевиков ,а культурной работы—никакой. **Р. Н.**

МОНТЕВИДЕО, Уругвай. — В пользу журнала "ДТП" мы собрали 46 песо и 50 с. Жертвовали: А. Черняков, В. Л. и Я. Ш. — по 10 песо; В. А. Г. и Г. Ц. по 5 п.; Яков Чайка — 4 песо, Е. Гайсен — 2 п. и Лейсвецкая — 50 с. В переводе на американскую валюту — 21 д. 50 с. С великим нетерпением ждем очередного номера "ДТП" — нашего единственного светоча на русском языке. **А. Черняков**

ТОРОНТО, Канада. — Если жизнь не связана с общественным интересом и в особенности с борьбой за всеобщее раскрепощение и установление справедливой жизни для каждого, базирующейся на безвластии, братстве, добровольном соглашении и на отсутствии эксплоатации человека человеком, то такая личная жизнь является жалкой, ничтожной и не достойной человека.

Человек, достоин ли ты называть себя человеком, если ты уничтожаешь себя и себе подобных во имя властвующих, пожирающих твой труд и пьющих твою кровь? Достоин ли ты называться человеком, если ты под командой тренировщика летишь по воздуху, плывешь по воде и под водой, бежишь под землей и по земле, чтобы уничтожать подобных тебе по приказу правителей? Нет, раз ты делаешь все это! И во имя спасения своего жалкого животного существования ты не достоин имени человека. Массы, ослепленные разного рода политиканами, попами и большевиками, как раньше, так и теперь остаются в рабстве и унижении у тех, кого они несут на своих шеях и кому отдают свой труд, вырывая изо рта собственных детей последний кусок хлеба.

Анархизм — это величайшая идея, достойная подлинного человека. Осуществленная в жизни, она принесет радость освобожденному человечеству и тогда, я думаю, люди захотят выбросить за борт опошленное имя "человек," чтобы заменить славным именем "анархист." **Ф. К. Б.**

АВОКА, Пеннсильвания. — Уважаемые тт. "делотрудовцы"! Посылаю вам 5 д.: 2 д. в счет подписки и 3 д. в фонд журнала "ДТП" и желаю вам наилучшего успеха в вашей столь ответсвенной и трудной, но столь же полезной просветительной работе на благо рабочего дела. Держите знамя Свободы и Правды высоко и посредством журнала "ДТП" обо всем осведомляйте массы. В данное время, когда над миром нависли темные тучи и во-всю орудуют предатели и закабалители рабочего класса, нам особенно нужна свободная печать. Мне очень нравится журнал "ДТП" своим содержанием. В нашем шахтерском поселке нет русских: я один живу в польской среде, поэтому журнал — единственный мой товарищ, с которым я могу поговорить о своей доле. Жаль, что журнал не выходит ежемесячно.

Спасибо вам, товарищи, за журнал "ДТП," который вы мне присылаете. Я приветствую всех сотрудников и работников журнала. У нас шахты работают по 2-3 дня в неделю. Хозяева антрацитных шахт заявляют, что причиной этому является теплая погода. Неужели сейчас стало тепло всем беднякам?.. **Пинский Мужик**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Уважаемые товарищи, посылаю вам денежный перевод на 10.50, из коих 5 д. в фонд журнала от Читателя и 5.50 — расплата за № 34 "ДТП." Найлучшие пожелания всем работникам. **Ф. Рахман**

ФРЕДЕРИК, Мэрилэнд. — Посылаю в фонд журнала "ДТП" 5 д. Очень сожалею, что не могу послать больше: два месяца был болен, имел операцию, а при нынешней дороговизне трудно свести концы с концами. **П. Ф. Кунавич**

ЧЕСТЕР, Пеннсильвания. — Посылаю почтовым переводом два доллара: 1 д. в счет подписки, а другой доллар в фонд журнала. **Д. Веремейчук**

ТОРОНТО, Канада.—С этим письмом пересылаю вам денежный перевод на 10 д. в фонд "ДТП": 5 д. от меня и 5 д. от Д. Паламар. **Г. Демьяненко**

НЬЮ ИОРК, Н. И. — Посылаю почтовым переводом два доллара и прошу зачислить меня постоянным подписчиком "ДТП." **А. Желагин**

ЧИКАГО, Иллинойс. — Получил № 35 журнала "ДТП" и прочитал. В журнале очень хороший подборный материал. Посылаю 5 д. в фонд журнала. **И. Ков.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Прилагаю денежный перевод на 20 д. 50 с., из которых 2.50 за 10 экз. № 35 "ДТП" и 18 д. в издательский фонд журнала. Жертвовали: К. Семенос — 6 д., А. Чиж и С. Медынич — по 5 д., М. Березовский — 2 д.

Наша сердечная благодарность всем работникам редакции за их труды по разоблачению врагов свободы, которую нам завещал великий гуманист-революционер П. А. Кропоткин. Очень печально, что в наш кошмарный исторический период мало подлинных борцов за свободу, но много расплодилось разнокалиберных диктатурщиков, во главе со Сталиным, намеривающим превратить весь мир в концентрационный лагерь. Благо, что ничто не вечно под солнцем, придет конец и народным кровопускателям-диктатурщикам. **С. Медынич**

ЧИКАГО, Иннинойс. — В фонд "ДТП": Т. Юскович и И. Волков — по 10 д., выручка от распространения № 35 журнала — 10 д., итого — 30 дол., которые прилагаю. **И. Волков**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Пенн. — Посылаю 7 д., вырученные от продажи № 35 "ДТП." В Фонд им. А. Беркмана было собрано и отправлено по назначению 10 д. Жертвовали следующие лица: И. Скиталец, И. П-ский, А. Марченко и Я. Кравчук — по 2 дол.: Я. Колесников и А. Василевский — по 1 дол., итого 10 д. **И. Скиталец**

БАЛТИМОРА, Мэрилэнд. — Посылаемые 7 д. 50 сентов распределяются следующим образом: 5 д. за проданные 20 экз. № 35 "ДТП," 2 д. — подписка на журнал от Дж. Янук, 50 сентов на покупку для меня журнала на английском языке "Ан. Ревью," который мне хотелось бы прочесть. **Ф. Середоенко**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Высылаемые 12.50 составились из след. сумм: 5 д. пожертвование в фонд журнала от Инкогнито и 7.50 выручено от продажи № 35 "ДТП," итого—12.50. **Ф. Коваленко**

НЬЮ ХЭЙВЕН, Конн. — Прилагаемые 2.50 — выручка от продажи журнала "ДТП." **П. Чечиль**

МИАМИ, Флорида. — Спасибо вам за присланный мне журнал "ДТП." Читала с удовольствием. В подписку на журнал посылаю два доллара. **Т. П.**

НЬЮ КЭСТЛЬ, Пенн. — Посылаю в фонд журнала "ДТП" 1 д. и 2.50, выученых от продажи журнала, итого — 3.50. **Д. С.**

ТОРОНТО, Канада. — СССР последовал примеру капиталистических грабителей мира сего. Россия — богатая страна, но тяжко мучается народ в новом рабстве государственного капитала. Горькая доля выпала народу: уныние, плач, стон и нищета в этой стране.

Не слушайте фальшивых речей и не верьте ложным обещаниям лидеров партий, которые, кроме оков и цепей рабства, не дадут ничего труженику. На трупах людских обильные всходы растут. На жатву летят кровожадные хищники в образе людском. Словно воронье слетаются эти хищники. Вслед за ними, в образе хищных зверей в черных ризах и белых крестах на груди собирается новая стая, устремляясь на жертву народную, утолить ненаситную утробу свою.

—Эх, люди! Не знаете вы силы своей. **С. В.**

Просим всех товарищей, имеющих на руках подписные листы для сбора средств на издание трудов Максимова, вернуть таковые в редакцию "ДТП." — **Ред. Коллегия.**

Поступили в Редакцию

ВЛАДИМИР КРЫМОВ: "Дрозофилы и мы," 196 стр., Париж, 1947. Цена $1.50. "Может быть," 90 стр., Париж, 1949. Цена 1 д. Адрес издательства: V. Krymov, 3 Ave. d'Epremesil, Villa Vlaber, Chaton, S. & O. (Paris), France.

"САТИРИКОН" — общественно-политический журнал сатиры и юмора, № 1, Май 1951. Редакционная Коллегия: Ф. Тарасов, А. Михайлов, С. Юрьев Цена 35 с. за экземпляр. Адрес издательства:

Satirikon, Frankfurt on Main-West 13, Postfach 1364A, Germany, U. S. Zone.

"ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННИК" — Журнал Литературы и Критики, под редакцией В. ЗАВАЛИШИНА, В. РУДОЛЬФА и Б. ЯКОВЛЕВА, № 1, 1951 год. Имеет 112 стр. Цена 1 д. за экземпляр. Адрес:

"Literaturny Souremennik"

Postfach 31, Munchen 62, Germany

МАКСИМ СТОЦКИЙ: "Геометрический Ключ," 32 стр., Нью Иорк, 1951. Цена 50 сентов. Адрес:
M. Stotzky, 330 E. 19 St., New York 3, N. Y.

"CONTRE-COURANT," Janvier 1951. Histoire Mondiale de L'Anarchisme. Documentation recueillie, presentee et commentee par LOUIS LOUVET. Pp. 130. Prix 125 fr. Redaction-Administration adress: Contre-Counrant, 34 Rue des Berger, Paris (15e), France.

"ANARCHISMO" (Vespro Schicciano) Palestra di Cultura di Critica e di Battaglia. Rivista Anarchica. Diretta da GIUSEPPE GRILLO. Numero unico. Maggio 1950—Marzo 1951. Pp. 108. L. 100. Edita dal Gruppo "Anárchismo." Addres Redazione: Via S. Cosmo 37, Napoli, Italia.

КООПЕРАТИВНАЯ КОЛОНИЯ ВО ФЛОРИДЕ

Инициаторы устройства кооперативной колонии во Флориде передали нам следующую информацию о начатом ими деле:

Все мы мечтаем о свободном обществе, без деления на господ и рабов, и каждый из нас по мере своих сил и разумения способствует его приближению. Но одной пропаганды о свободном об-ве мало, надо на деле показать строительство будущего вольного общества личным примером, свободной кооперацией. Мы готовы начать еще один поход против несправедливостей совр. об-ва, противопоставив маленькую группу людей, которые уверены, что им можно жить и преуспевать без принудительного труда в намеченной к осуществлению колонии.

Контракт на покупку земли для поселения наших измотанных друзей уже подписан. Эта усадьба (ферма) в 300 акров, с десятком построек, расположена в здоровой местности центральной Флориды, между двух больших озер и граничит с шоссейной штатной дорогой. Часть большого озера входит в усадьбу, а на другом имеется более мили берега. Земля (на 90 футов выше уровня моря) покрыта крупным лесом южных пород: вечно-зеленый дуб, сосна, магнолия и проч. Почва песчаная, но плодородная, а вдоль озер — глубокие залежи чернозема.

Для приведения в надлежащий порядок покупаемой усадьбы нужно затратить много сил и средств, надо отремотировать постройки, расчистить землю для огорода и сада, посадить фруктовые деревья и овощи, устроить купальный пляж и пристань для лодок, хотя бы на одном из озер, завести куриное хозяйство и сделать другие улучшения. Надеемся, что к декабрю все будет приведено в порядок, и мы сможем пригласить всех наших друзей навестить нас: погостить или поработать вместе с нами.

Для финансирования и благоустройства колонии организована в Нью Иорке корпорация под именем "Лайв Оак Фарм," которая выпустила сто паев по 500 д. каждый, всего на сумму в 50,000 долларов. Мы просим всех друзей помочь нам в деле устройства кооперативной колонии в солнечной Флориде покупкой паев, которые полностью гарантируются всем имуществом усадьбы: землей, домами и всеми будущими улучшениями. Покупатели паев сделают доброе дело без всякого риска.

Средства на покупку усадьбы были собраны среди членов Нью-Иоркской группы и нескольких товарищей из других городов, но нужны средства на благоустройство колонии. Поэтому необходима денежная помощь и помощь трудом. Мы приглашаем всех трудоспособных доброжелателей, независимо от того, внесут ли они деньги на благоустройство колонии или нет, присоединиться к первой партии поселенцев (в конце июля) и потрудиться для общего блага. Поживете там: если вам понравится—останетесь, а не понравится — вернетесь к старому укладу жизни.

Запросы инициаторам кооперативной колонии во Флориде можно направлять по адресу:

LIVE OAK FARM, Inc.
30 Irving Pl., Room 203
New York 3, N. Y.

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП"

за Март-Июнь 1951 года

РАСХОД:

Издание и экспедиция № 35 "ДТП"	453.70
Рента поч. ящика за II и III кварталы 1951 г.	8.00
Итого	461.70

ПРИХОД:

Поступило за проданные номера журнала	50.55
Поступило подписки на журнал "ДТП"	18.50
Поступило за проданные книги	10.50
Пожертвования:	
Ф. Коваленко, г. Детройт	30.00
Через т. Чернякова, Монтевидео, Уругвай	21.50
Через т. Медынича, Юнстаун, Охайо	18.00
И. Волков и Т. Юскович из Чикаго по 10 д.	20.00
М. Лахей, Остенбург, Охайо	10.00
И. Данилюк, г. Нью Иорк	6.40
По 5 д.: Читатель из Балтиморы, П. Кунавич, Д. Г. (Нью Джерзи), Неизвестный (г. Нью Иорк), Д. Паламар и Г. Демяненко (Торонто), И. К. (Чикаго) и Инкогнито	40.00
По 3 д.: А. Ходневич, И. Зайцев, В. Парфенович и С. Гуменюк; Т. Шенюк — 2 д.	14.00
По 1 д.: М. Стоцкий, Д. Веремейчук, М. Ковалевич и Д. Слаутич	4.00
Остаток на 1 марта 1951 г.	148.60
Итого	397.05
Дефицит на 1 июля 1951 г.	64.65

Сердечная благодарность всем жертвователям, подписчикам и распространителям журнала. Товарищи, обратите внимание на дефицит. Издание журнала всецело зависит от вас, поэтому мы обращаемся к вам с горячей просьбой: усиленно распространять журнал, находить для него новых подписчиков и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

РЕД. КОЛЛЕГИЯ

Новая Книга М. Неттлау

В скором времени выйдет из печати книга Макса НЕТТЛАУ **"Очерки по истории анархических идей"** и статьи по разным социальным вопросам, которые он освещает с точки зрения анархизма. Очеркам предшествует вступительная статья М. С—ка. Книга размером 5,5 x 8,5 дюймов будет иметь около или свыше 400 страниц с портретами в тексте теоретиков анархизма, в том числе Бакунина, Кропоткина, Прудона, Элизе Реклю, Жана Грава, Малатесты и других. Цена книги 2 д. за экземпляр, в коленкоровом переплете — 3 д. Мы обращаемся ко всем прогрессивным отделам РООВА и РНзОВ, группам и отдельным товарищам поспешить с заказами на эту интересную и ценную книгу. Весь доход от продажи книги поступит в Фонд издания анархической литературы. Заказы просим направлять по адресу журнала "ДТП."

Профсоюз г. Детройта